

ВАСИЛЕНКО В. А.

УДК 32(075)+9(075)

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ VS СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: AMOR POST MORTEM

В статті проаналізовано 2 основні соціологічні роботи А.Зінов'єва: "Комунізм як реальність" (1980) та "Криза комунізму" (1990). Показані як досягнення російського філософа в дослідженні реального комуністичного суспільства, так і його хибні оцінки та прогнози, спричинені насамперед застосуванням недоречної методології. Проаналізовані протиріччя у вченні Зінов'єва та його виразна еволюція в бік російського націоналізму. Запропоноване уточнене бачення витоків комуністичної ідеології та практики, зокрема, причин їхнього успіху в Росії.

Ключові слова: Александр Зінов'єв, СРСР, комунізм, капіталізм, західна цивілізація.

В статье проанализированы 2 основные социологические работы А.Зиновьева: "Коммунизм как реальность" (1980) и "Кризис коммунизма" (1990). Показаны как достижения российского философа в исследовании реального коммунистического общества, так и его ложные оценки и прогнозы, обусловленные прежде всего использованием неуместной методологии. Проанализированы противоречия в учении Зиновьева и его отчетливая эволюция в направлении русского национализма. Предложено уточненное видение истоков коммунистической идеологии и практики, в частности, причин их успеха в России.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, СССР, коммунизм, капитализм, западная цивилизация.

The two main sociological works of A.Zinoviev: "Communism as Reality" (1980) and "The Crisis of Communism" (1990) are analyzed in the article. It is showed as achievements of Russian philosopher in the study of the real communist society, as its false estimates and projections, due primarily using an inappropriate methodology. The contradictions in the teaching of Zinoviev and a clear evolution in the direction of Russian nationalism are analyzed. Refined vision of the origins of the communist ideology and practice, in particular, the reasons for their success in Russia is proposed in the article.

Key words: Alexander Zinoviev, USSR, communism, capitalism, Western civilization.

а) Введение

Крупная и неоднозначная (что практически синонимично) фигура российского философа и социолога Александра Александровича Зиновьева (1922-2006) вряд ли нуждается в особом представлении не только на его родине, но и в Украине. В то же время следует признать, что в сознании большинства образованных соотечественников образ Зиновьева достаточно упрощен:

не то чтобы откровенный диссидент и антикоммунист, но человек критически мыслящий; за вольнодумство высланный из СССР; написавший ряд зачастую не слишком наукообразных работ с достаточно оригинальным анализом и критикой построенного в Советском Союзе и прочих социалистических странах строя; после начала горбачевской перестройки выступивший с ее резкой критикой, в защиту достижений коммуниз-

ма; подобно Александру Солженицыну, вернувшийся в конце концов из-за рубежа в Россию, как и тот, не ставший "властителем дум" (на какую роль, возможно, рассчитывал), однако активно выступавший уже в чисто публицистическом жанре с тотальной критикой практически всего происходившего в ельцинской и раннепутинской РФ.

Почему, с моей точки зрения, социальная философия Александра Зиновьева заслуживает более глубокого изучения, в том числе и в нашей стране? (Интерес к зиновьевскому наследию в России достаточно велик по ряду причин, которые станут вполне ясны по ходу дальнейшего изложения). Оснований к этому немало, но я остановился бы прежде всего на двух. Во-первых, анализ Зиновьевым советского общества непосредственно касается и прошлого, а в значительной степени, следовательно, настоящего и будущего нашей страны, бывшей в течение многих десятилетий интегральной частью советского проекта. Ряд зиновьевских мыслей могут и должны быть полезны нам в понимании того, что представляет собой наше общество и какие его трансформации необходимы и возможны.

Во-вторых, вышесказанное даже в большей мере относится к обществу нынешней России, дефицит осмысления исторического феномена которого катастрофически ощущается как на современном Западе, так и в нашей стране. Западные социологические, русистские, славистические и тому подобные центры, сыгравшие немалую роль в постижении Советской России и, в конечном счете, - в победе над ней в "холодной войне", после краха СССР стали восприниматься как ненужные или избыточные, что отразилось и на объемах финансирования, и на количестве и качестве научных кадров, и на спектре исследований. Как выясняется теперь, это было серьезной ошибкой, но в основе ее, по крайней мере, лежали рациональные мотивы. Что же до сегодняшнего украинского общества, то оно, фактически оказавшись (не по собственной инициати-

ве) в состоянии необъявленной войны с северо-восточным соседом, судя по всему, еще до конца не осознало, что залогом успеха в этом противостоянии служит не абсолютная изоляция от противника, а, напротив, желание и умение понять его мотивацию, алгоритмы реальных и возможных действий, чтобы, в конечном счете, выработать эффективную стратегию противодействия российской экспансии. В силу многих объективных и субъективных причин, именно отечественные исследователи обладают рядом априорных преимуществ в этой сфере, что должно быть очевидным и для трезвомыслящей части западных политиков и экспертов, постепенно осознающих масштаб угроз для коллективного Запада со стороны реваншистского режима Северной Евразии. Вопрос лишь в том, насколько Украина сумеет воспользоваться предоставившейся возможностью и не утратит ли этот шанс, подобно многим предыдущим за четверть века независимости.

Лично для меня роль импульса, способствовавшего росту интереса к творчеству А.Зиновьева, сыграли уже ставшие традиционными ежегодные Зиновьевские чтения, проводящиеся в Днепрпетровском государственном университете внутренних дел, начиная с 2011 года. Они стали возможны благодаря как неравнодушной позиции, занятой руководством вуза, так и, без преувеличения, подвижнической деятельности их инициатора, кандидата философских наук, доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин Юрия Алексеевича Нарижного. В то же время с самого начала несколько удивила, и не меня одного, общая тональность и атмосфера происходящего, заданная выступлениями ряда коллег. Сложилось устойчивое впечатление, что для них Александр Зиновьев - некий непререкаемый авторитет, создавший истинно научное и соответственно единственно возможное и всецело верное учение об обществе.

О том, каковы (на мой взгляд) достоинства и недостатки трудов Зиновьева, речь

пойдет ниже. Однако вполне очевидно, что, каков бы ни был масштаб того или иного мыслителя и его интеллектуальные достижения, они все же имеют свой предел. Любая теория может предложить, в конечном счете, лишь частичное объяснение тех или иных феноменов, даже если речь идет о естественных науках, тем более - об исследовании человеческого общества; поиск же вечных истин более уместен в религиозных учениях. Ирония истории часто бывает жестокой. Сам Зиновьев справедливо критиковал советских марксистов за подмену науки идеологией; любопытно, какой была бы его реакция на то, что собственные последователи вплотную приблизились к тому, чтобы объявить зиновьевскую теорию непогрешимым учением (все по тому же нехитрому принципу: "всесильно, ибо верно"). Как бы то ни было, для весьма немалого числа образованных и, казалось бы, трезвомыслящих людей Александр Зиновьев играет роль духовного наставника, удостоенного высшего Откровения. Отсюда и некритическое отношение к нему, словно к Николаю Рериху, Георгию Гурджиеву, Алистеру Кроули или иным гуру и "просветленным".

Окончательно же заверченный вид в моих глазах эта картина приняла после того, как в III чтении приняла участие Ольга Зиновьева - вдова философа и по странному совпадению директор Биографического института Александра Зиновьева. (Думаю, было бы трудно представить себе в аналогичной роли супругу Чарльза Дарвина, Анри Пуанкаре, даже Арнольда Тойнби; разве уж Освальда Шпенглера или Льва Гумилева). Основное содержание ее выступления, как и следовало ожидать, свелось к рассуждениям о мытарствах непризнанного гения, не оцененного по достоинству современниками в целом и соотечественниками в частности, об интригах, обидах на коллег и друзей. Разумеется, прозвучали и обязательные фразы о злокозненном Западе, разрушении СССР как трагедии мирового масштаба и т. д. В целом зрелище было достаточно

малопривлекательным, вызывающим ассоциации со сварами и сплетнями на коммунальной кухне. Достаточно адекватное представление о нем можно составить по нескольким фразам из текста Ольги Зиновьевой, размещенного на тематическом сайте: "На борьбу с Александром Зиновьевым разными службами безопасности, пропаганды и контрпропаганды были затрачены астрономические суммы, приблизительно равные 3 миллиардам долларов по подсчетам прагматичной статистики. Расследования, десятилетиями длившаяся слежка; пять покушений, уничтожение документов, фальсификация; рейдерский захват жизненного пространства; изъятие и уничтожение десятков тысяч книг из всех библиотек СССР и стран Варшавского Договора; антисоветская и антизападная истерия; высокооплачиваемая деятельность сотен и сотен людей и учреждений, расположенных не только в странах советского блока, но и на Западе... Для русской культуры, русской словесности и философии он сыграл такую же фундаментальную роль, как Александр Сергеевич Пушкин. Какие средства понадобились бы сегодня на создание, не разрушение, а именно на создание личности такого масштаба? Какая страна могла бы сегодня себе это позволить, сколько сотен тысяч школьников, студентов, аспирантов, кандидатов и докторов наук просеять через сито интеллектуального отбора, чтобы воспитать и получить такой образец высококаратного интеллектуала?" [26]. Дан и ответ на напрашивающийся вопрос о том, почему именно ей должна принадлежать роль хранителя и даже интерпретатора наследия ее покойного супруга: "У меня самая уникальная ученая степень и уникальные знания, которых нет ни у кого в мире. Я сорок лет училась в Академии Зиновьева - я жена Александра Зиновьева" [3].

Разумеется, нельзя было не воспользоваться возможностью задать вопрос такой колоритной личности. С учетом того, что в роли главных носителей зла были представ-

лены руководители позднего СССР, Запада и эльцинской России, я поинтересовался, не заслуживают ли они и хотя бы малой толики добрых слов в свой адрес. Ведь 1) руководство брежневского СССР, по свидетельству самого Зиновьева, вместо того, чтобы определить его, подобно многим дисидентам, в лагерь или психиатрическую лечебницу, предоставило выбор между тюрьмой и высылкой из СССР. Поскольку летом 1978 года Зиновьев вместе с семьей оказался в ФРГ, где и прожил вплоть до 1999, ясно, какому варианту он отдал предпочтение; 2) пребывая на Западе, изгнанник получил возможность преподавать в Мюнхенском университете, а главное - печататься, популяризируя свои идеи; 3) ту же свободу Зиновьев сохранил и в постсоветской России, где никто не помешал ему ни работать, ни издавать свои труды, ни выступать в СМИ. Вместо напрашивавшегося ответа иронией на иронию, я услышал вполне серьезные рассуждения о страданиях философа и его близких вдали от России, о том, что острог в родных краях милее золотой клетки на чужбине и прочий набор надлежащих банальностей. Естественно, спрашивать о том, почему же их возвращение на родину растянулось на долгие семь с половиной лет, в такой ситуации было бессмысленным...

Возможно, пролог к основной части данного эссе вышел чересчур объемным, однако, как представляется, он был совершенно необходим, чтобы снять некоторые возможные вопросы в дальнейшем. Замечу также, что внимание ниже будет сосредоточено на двух основных социологических работах А.Зиновьева: "Коммунизм как реальность" (далее - "ККР") и "Кризис коммунизма" (далее - "КК"). Первая из них была закончена автором весной 1980 года, вторая - ровно спустя десятилетие, весной 1990. Помимо этого, через 3 года - летом 1993 - Зиновьевым был написан небольшой текст - "От коммунизма - к колониальной демократии", призванный служить заключением к "КК". Я не анализирую ряд других работ

Зиновьева, посвященных практически тому же, что и "ККР", но написанных в своеобразном полухудожественном, ернически-эпатажном стиле, возможно, импонирующем части его читателей и почитателей (как и своеобразная, близкая к ленинской форма полемики, сводящаяся преимущественно к аттестации мыслей оппонентов в качестве "глупости", "чуши", "чепухи" и т. д.). Необходимо упомянуть и о следующем. В свое время Зиновьев заявил, что для него нет необходимости лично побывать в Китае, чтобы верно судить о том, что происходит в этой стране. О КНР речь пойдет далее также, но в целом я решил не поддаваться искушению зиновьевской методологии и не переходить к анализу, а тем более критике его идей, не проштудировав предварительного содержания их работ.

b) А.Зиновьев о реальном коммунизме и его истоках. Коммунальность и цивилизация

Начну с того, что работы Зиновьева содержат целый ряд весьма глубоких и адекватных (хотя и не всегда новаторских) мыслей в отношении человеческих обществ в целом и советского в частности, человеческого поведения, общественной психологии и т. д. Мне представляется, что одним из наиболее фундаментальных и обоснованных из положений зиновьевской теории является утверждение о том, что коммунизм - это "не идеологический проект некоего общества всеобщего счастья и благополучия, а реально существующий и доступный наблюдению тип общества, классическим и исторически первым образцом коммунизма является то, что можно было наблюдать в Советском Союзе до начала горбачевской перестройки"; помимо реального коммунизма, говорить о каком-то ином (и соответственно именовать его) нет оснований [21, с.14; 22, с.292-293, 297].

А.Зиновьев указал на то, что несоответствие общества, построенного в СССР, теориям и планам его строителей совершенно закономерно, а не случайно, и проиллюст-

рировал это чрезвычайно наглядным образом - сравнением со строящимся домом: "Но построить общество - это не дом построить. Когда строят дом, то кладут, например, кирпич на положенное ему место, и тот лежит на этом месте достаточно долгое время. А представьте себе кирпичи с сознанием и волей, со способностью перемещаться, менять форму и размеры, уничтожаться и порождать новые кирпичи, со стремлением пробиться в верхние этажи здания и вытеснить другие кирпичи... Как такой дом будет выглядеть в реальности? А марксистский проект нового общества подобен проекту дома с неподвижными кирпичами, эквивалентом которых в обществе являются не реальные, а абстрактно мыслимые индивиды" [21, с.16]. Мысль совершенно здравая, однако далее, развивая подобные аналогии, Зиновьев, как мне кажется, заходит чересчур далеко, заявляя следующее: "Современный читатель прекрасно знает, что возможны технические устройства с такими свойствами: ты его толкаешь от себя, а оно движется на тебя; некоторое время оно движется в желаемом направлении, а потом сворачивает в сторону; до определенного момента ты можешь контролировать его движения, но потом теряешь контроль. Так вот общество можно вообразить себе как огромный агрегат из таких сооружений, строения которых вы не знаете и не можете точно рассчитать совокупный результат их действий" [21, с.105]. Однако подобное сравнение некорректно: ведь описанные выше устройства получили данные свойства в результате целенаправленных усилий их создателей; в противном случае речь шла бы попросту о неисправных механизмах. Построение же человеческого общества с заранее заданными характеристиками нереально, как верно и указывает автор.

Повторю, трудно переоценить значение утверждения Зиновьева о беспочвенности надежд на то, что на смену существующему здесь и сейчас "развитому социализму" в будущем (пусть даже сколь угодно отдаленном) придет идеальный или близкий к

тому социальный строй. Сам он справедливо констатировал: "Стремление к пониманию сущности коммунистического социального строя страшнее для него, чем любые сенсационные разоблачения его язв" [21, с.11]. Разумеется, любой обитатель позднего СССР прекрасно помнит, что количество сограждан, всерьез веривших в наступление коммунизма, было тогда уже весьма невелико, однако и откровенно признать лживость обещаний земного рая с идеологической точки зрения было совершенно недопустимым для советской власти. Равно губительно признание правоты Зиновьева по этому пункту и для многочисленных, особенно на Западе, приверженцев теории, в соответствии с которой и в сталинском СССР, и в КНР при Мао, и в Кампучии при "красных кхмерах", да и практически во всем реально существовавшем "лагере социализма" последний был "неправильным", отличным от того, каким мог и должен был быть.

Следующим, еще более важным положением зиновьевской теории является его ответ на вопрос об истоках коммунизма вообще и стремления к нему. По мнению философа, корни коммунизма, его элементы встречаются и в некоммунистических обществах [21, с.20; 22, с.465]; более того, "в создаваемых коммунистических странах находят свое воплощение мечты миллионов людей о наилучшем для них (не вообще, а именно для них!) устройстве жизни" [21, с.22]. Верность этой точке зрения Зиновьев сохранил и после краха коммунизма и распада СССР: "Я отвергаю широко распространенное мнение, будто коммунизм в России чужд русской истории и русскому народу, будто он был навязан кучкой идеологов массам доброго и хорошего населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс" [23, с.469].

Тут будет уместно привести обширную цитату из "ККР": "Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками вопреки некоему здравому смыслу и не-

коей природе человека, как полагают некоторые противники коммунизма, а как раз наоборот - он есть естественное явление в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде из большого числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя и т. п., - вырастает из того, что я называю человеческой коммуналностью. Выдуманными и изобретенными являются как раз те средства защиты от коммуналности, из которых вырастает цивилизация, т. е. право, мораль, гласность, религия, гуманизм и прочие средства, в какой-то мере защищающие человека от прочих людей и от власти их объединений. Человек же как мы его понимаем, произнося это слово с большой буквы и несколько высокопарно, есть существо искусственно выведенное в рамках цивилизации из той двуногой коммуналной твари, о которой я говорил выше. Цивилизация вообще вырастает из сопротивления коммуналности, стремления умерить ее (коммуналности) буйство, заключить ее в определенные рамки. Цивилизация в основе своей есть прежде всего самозащита человека от самого себя. И лишь потом это есть бытовой комфорт, который имеет и другие основания. Если коммуналность можно представить себе как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще нагляднее коммуналность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию - как карабканье вверх. Цивилизация есть усилие, коммуналность есть движение по линии наименьшего сопротивления. Коммунизм есть буйство стихийных сил природы, цивилизация - разумное их ограничение. Коммунизм вырастает из коммуналности, использует ее, развивает ее, создает ей благоприятные условия, организует и

закрепляет ее как особый тип общества, как особый образ жизни многомиллионных масс населения. Потому является грубейшей ошибкой рассматривать его как обман этих масс и насилие над ними. В качестве расцвета и господства коммуналности коммунизм представляет собою тип общества, наиболее близкий этим массам людей и желанный для них, какими бы страшными последствиями при этом им ни грозили. ... Возможны и имеют место различные средства цивилизации. Последние суть, как я уже говорил, религия, правовая защита личности, мораль, гласность, гражданские свободы, гуманизм, духовное искусство и т. д. Но массовые убийства людей и закрепощение людей по крайней мере иногда играли роль средства защиты от коммуналности, поскольку они так или иначе разрушали ее или мешали ее проявлению" [21, с.26-27].

Здесь целесообразно сделать отступление и кратко напомнить о пути, пройденном человечеством в плане общественной эволюции (как это представляется с точки зрения современной науки). Не будем обращаться к заре рода человеческого, датируемой примерно 2,5 млн. лет назад и связанной с *Homo habilis* или, скорее, *Homo erectus*, а также нашим непосредственным предшественникам - неандертальцам и денисовцам. Трудно судить о том, когда состоялся переход от формы коллектива, именуемой первобытным стадом, к родоплеменному строю; в любом случае принято считать, что это событие уже связано с человеком современного типа, или кроманьонцем, появившимся, как и первые представители рода *Homo*, в Африке (примерно 200 тыс. лет назад). Около 70 тыс. лет назад численность популяции человека разумного резко сократилась (до 5, а возможно, и 2 тыс. особей), как предполагают, вследствие катастрофических последствий извержения вулкана Тоба в Индонезии. Как бы то ни было, наш вид сумел выжить; более того, практически в это же время наши

уцелевшие предки, насколько мы можем судить, начинают быстро прогрессировать, т. е. происходит окончательное становление современного человека не только в физическом, а и интеллектуальном и психологическом плане. В частности, быстро совершенствуются орудия труда, появляются значительно более сложные, чем ранее, приемы охоты, зарождается искусство и т. д. Практически в это же время начинается "исход" части представителей Homo sapiens из Африки, прежде всего в Азию; освоение Австралии началось примерно 50, Европы - 40 и, наконец, Америки - 15 тыс. лет назад.

При этом, однако, формы человеческих коллективов оставались прежними: небольшие (как правило, несколько десятков человек) бродячие группы охотников-собираателей, живших всецело лишь за счет имеющихся в наличии природных ресурсов. Социальная дифференциация внутри этих коллективов практически отсутствовала, хотя имелись элементы полового и возрастного разделения труда. До недавнего времени господствовал стереотип, блестяще сформулированный Томасом Гоббсом: в соответствии с ним, жизнь людей в "естественном состоянии" была "одиноким, бедным, беспросветным, тупым и кратковременным" [10, с.153]. Однако новейшие исследования убеждают, что в действительности картина была иной. Несколько миллионов человек, составлявшие тогдашнее население нашей планеты, достаточно неплохо приспособились к существующим условиям жизни. Будучи вследствие богатого, передававшегося от поколения к поколению, опыта прекрасно осведомлены об окружающей их природе, первобытные люди неплохо обеспечивали себя пищей и прочими необходимыми ресурсами (что, конечно, не исключало и периодических голодовок, и гибели целых коллективов). Современные наблюдения свидетельствуют, что даже у бушменов, живущих в неблагоприятных условиях степей и полупустынь Южной Африки, на поиски и добычу

пищи уходит не более 2-3 часов в сутки, причем их рацион достаточно сбалансирован, включая достаточное количество белков, жиров, витаминов, углеводов и т. д.

С другой стороны, такое существование могло длительно продолжаться лишь в условиях стабильной численности человеческих коллективов, дабы избежать излишнего давления со стороны популяций на занимаемые ими природные ниши. Таким образом, наши предки вынуждены были прибегать к искусственному регулированию собственной численности, в том числе и весьма негуманными, с точки зрения современного цивилизованного человека, методами. Не следует забывать и о том, что первобытная эпоха отнюдь не была блаженным временем всеобщего мира, так что шанс погибнуть от руки другого человека был тогда несравненно выше, нежели даже в XX веке с его двумя мировыми войнами и массой иных кровопролитных конфликтов. При этом столкновения внутри коллективов, очевидно, были относительно редки: существование группы, утратившей солидарность, неминуемо оказывалось под угрозой, к тому же следует учитывать, что небольшой коллектив людей, постоянно живущих и живающихся вместе, жизненно нуждающихся во взаимной поддержке, связанных родственными, дружескими и иными связями, обладал большими возможностями по предотвращению и улаживанию серьезных столкновений между своими членами. Наконец, в тех условиях серьезный разлад внутри группы мог быть разрешен, как и у современных бродячих охотников, собирателей и рыболовов, путем разделения коллектива и дальнейшего автономного существования его бывших составных частей.

Описанный период истории человечества, как правило, именуется в учебниках "эпохой первобытнообщинного строя". Однако стоит вспомнить, что в 20-

е, в меньшей степени - в 30-е годы, но эпизодически и позже в советской историографии это общественное устройство именовалось "первобытным коммунизмом" (заимствование этого термина из зарубежной литературы произошло в России еще в конце XIX века). Конец же этой эпохи непосредственно связан с неолитической революцией - процессом перехода от присваивающего типа хозяйства (собирательства, охоты и рыболовства) к производящей экономике (земледелию и скотоводству). Началась она 12-10 тыс. лет назад, прежде всего на Ближнем Востоке (т. н. "Плодородный Полумесяц"), затем - в Юго-Восточной Азии, Мезоамерике и других регионах, охватив в конечном счете практически всю заселенную людьми ойкумену.

Считается, что толчком для перехода к земледелию послужило возрастание роли зерен дикорастущих злаков в рационе людей. Постепенно происходила соответствующая специализация человеческих коллективов, которые получали надежный и обильный источник пищи, переход к более-менее оседлому образу жизни, значительное увеличение численности населения. Появлялись излишки продуктов, начало регулярного обмена ими, зачатки имущественного неравенства (хотя частная собственность еще отсутствовала). Совместное проживание сотен, а то и тысяч индивидов, однако, создавало массу проблем, с которыми людям прежде не приходилось сталкиваться.

Как показывают современные исследования психологии, круг общения, в котором человек чувствует себя комфортно, достаточно ограничен и насчитывает не более полутора сотен подобных себе (близкие и дальние родственники, друзья, приятели, коллеги по работе и т. д.). Эта цифра близка к численности охотничье-собираательских коллективов эпохи первобытного коммунизма [8а, с.130-135]. Таким образом, мы генетически не

предрасположены к более широкому кругу общения, который стал неминуемым с переходом к земледелию. Люди стали обитать в постоянных, достаточно крупных поселениях, где стали неминуемы куда более частые и жесткие конфликты с окружающими. Простейший же и наиболее распространенный ранее способ их решения - отделиться и уйти - был теперь неприемлем, так как означал утрату труда многих лет, а то и нескольких поколений (обработанная земля, жилища и т. д.).

В описанных условиях решительно необходимым стал иной тип организации общества, нежели существовавший ранее; можно сказать, что произошел пресловутый переход количества в качество. Формируется территориальная организация социума, приходящая на смену родоплеменной. Власти прежних лидеров (старейшин и даже военных вождей), опиравшейся исключительно на их личный авторитет, было уже явно недостаточно для того, чтобы поддерживать порядок в таком крупном и сложном обществе. Возникают протогосударственные структуры - вождества (Chiefdom), впоследствии превращающиеся в сложные вождества, а также структурированные племена. При этом усиливается социальное и имущественное неравенство, а главное - постепенно формируется профессиональный аппарат власти и принуждения, отделенный от населения, иными словами - государство. Наличие же государства, а также социальной и экономической стратификации населения, частной собственности, земледелия, ремесел, городов, торговли, письменности и т. д. знаменуют переход человечества к стадии цивилизации.

(Замечу попутно, что упрощенное марксистское представление о государстве как прежде всего орудии классового господства давно опровергнуто конкретными историческими исследованиями, установившими, что становление ранних государств происходило задолго до

появления классов и соответственно антагонизмов между ними, частной собственности и т. д. Такой взгляд был принят и Зиновьевым: "Русская государственность вообще сложилась прежде всего не из некоего раскола на антагонистические классы, как полагает марксизм, а именно из потребности в охране общественного порядка и в защите данной человеческой общности от внешних нападений. Не думаю, что это - чисто русская особенность. Это - общая закономерность" [22, с.341].

Отмеченные фундаментальные перемены, однако, при всем своем объективно прогрессивном характере не означали улучшения жизни для всех и во всех отношениях. Припомним, что именно переход к оседлости и появление домашних животных положили начало неизвестным доселе эпидемиям инфекционных болезней, сопровождавшихся массовой смертностью. Производство продуктов питания представляло в распоряжение людей значительно большие, чем ранее, пищевые ресурсы, однако оборотной стороной этого стало снижение качества и разнообразия питания большей части населения, вынужденной довольствоваться преимущественно углеводной (зерновой) диетой. Результатом стали не только массовое распространение кариеса, но и значительное уменьшение среднего роста и даже продолжительности жизни ранних земледельцев, сравнительно с их предками - охотниками и собирателями. Сам земледельческий труд, сравнительно с занятиями охотой, рыболовством и собирательством, намного более тяжел и однообразен. Более того, существует чрезвычайно важная закономерность, на которую указала в свое время датская исследовательница Эстер Бозеруп: интенсификация землепользования ведет к снижению производительности труда. К примеру, примитивное подсечно земледелие позволяет получить значительно больше продуктов, чем собирательство, но получение единицы "дополнительной"

продукции требует затраты большего количества трудовых усилий; то же обнаруживается и в сравнении подсечно земледелия с пашенным, и т. д. Разумеется, рост неравенства в обществе также вряд ли вызывал положительные эмоции у социальных низов, составлявших подавляющее большинство населения.

В свете вышесказанного неудивителен многократно зафиксированный этнографами факт: очень многие человеческие сообщества, хорошо знакомые с ведением производительного хозяйства, старались прибегать к нему лишь для восполнения нехватки пищи, добываемой охотой и собирательством; решительный же переход к земледелию и скотоводству мог быть вызван лишь невозможностью иным образом удовлетворить потребности населения в продуктах питания. При этом, однако, такое общество оказывалось в ситуации "бутылочного горлышка", когда возвращение к прежнему образу жизни становилось невозможным: старые занятия, даже в самых благоприятных условиях, уже не смогли бы прокормить значительно возросшее население. Оставался лишь путь вперед - можно сказать, "вынужденного прогресса". Что же до обществ, так и не перешедших к производящему хозяйству, то они либо исчезли под натиском намного более многочисленных соседей-земледельцев, либо оттеснены в местности, не представлявшие интереса для последних (бушмены, эскимосы и т. д.).

Разумеется, воспоминания о прежних временах сохранялись, причем, по контрасту с непривлекательными аспектами современности и в силу самих особенностей человеческой психологии, становились все более идеализированными и оторванными от реальной действительности прошлого. Несколько утрируя, можно сказать, что в памяти остались относительно легкий и непродолжительный труд, долгий и беззаботный досуг; тогда как воспоминания, скажем, о вынужденных убийствах обладателей "лишних ртов" - преимущественно детей и

стариков - подверглись вытеснению. В свете этого не должно удивлять сходство преданий о "старых временах" у многих народов. Сравним райский сад в древнееврейском Ветхом Завете (плоды, которые не нужно выращивать, отсутствие труда, появившегося лишь в качестве Божьей кары людям в наказание за их грехопадение) и "золотой век" в эллинском представлении (те же плоды и стада, которые рождает земля без участия людей, проводящих время в беззаботных пирах). На то, что эта мифологема "потерянного рая" навеяна следствиями неолитической революции, указал уже Мирча Элиаде.

Данный пространный экскурс в раннюю историю человеческой цивилизации был необходим, поскольку позволит более адекватно оценить идеи А.Зиновьева, в частности, по поводу коммунизма как такового. Одним из ключевых понятий, предложенных философом, является "коммунальность", законы которой действуют в любом человеческом обществе: "Коммунальные законы суть определенные правила поведения (действий, поступков) людей по отношению друг к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя. Легкость, с какой люди открывают их для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны, отвечают исторически сложившейся социо-биологической природе человека и человеческих групп. ... Хотя законы коммунальности естественны, люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие этих законов, - мо-

рали, права, религии, прессы, гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т. д. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения этих ограничителей, и скрывать как нечто предосудительное. И не удивительно, что коммунальные правила поведения представляются им как нечто неприличное, а порой даже как преступное" [21, с.64-65].

Практически со всем сказанным следует согласиться. Как уже было отмечено, переход к стадии цивилизации имеет одним из следствий вынужденное близкое сосуществование любого отдельно взятого человека со все более многочисленной массой себе подобных, причем, в отличие от малых первобытных коллективов, в основном не связанных с ним родственными, дружественными узами или хотя бы лично хорошо знакомых; напротив, в огромном большинстве эти люди незнакомы, безразличны, а то и воспринимаются как непосредственные враги и конкуренты. (Правда, собственно понятие конкуренции, по мнению Зиновьева, тут не совсем применимо: "Для отношений коммунальности характерна не конкуренция независимых индивидов, а взаимное связывание и стремление как-то его ослабить и преодолеть" [21, с.79]). Так что описанное Карлом Марксом - и далеко не только им - пресловутое отчуждение человека в капиталистическом обществе эпохи промышленной революции, болезненно переживавшееся в условиях большого города вчерашним крестьянином или ремесленником, в действительности не представляло собой ничего принципиально нового, восходя своими истоками к революции неолитической.

В то же время несложно заметить, что в определении Зиновьевым понятия коммунальности присутствует очевидная двойственность и непоследовательность. Так, в "КК" он пишет о "капиталистически отсталой России с высокоразвитыми явлениями коммунальности, а именно: с мощным централизованным государственным аппаратом и классом чиновников, с привычкой

масс населения к подчинению властям, с крестьянской общиной" [22, с.301], а также о том, что "сами по себе феномены коммуналности универсальны и всеобщы. Они обусловлены самим тем фактом, что достаточно большое число людей вынуждается в течение жизни многих поколений жить как единое целое, совместно. К ним относятся, например, такие явления, как объединение людей в группы, отношения начальствования и подчинения, государственные учреждения и массы чиновников, общественные организации (профсоюзы[,] партии), идеологическая обработка масс, массовые движения, полиция, армия" [22, с.300-301; 23, с.470].

Если следовать терминологии Зиновьева, слово "коммуналность" представляет собой удачный термин для обозначения взаимоотношений, естественным, стихийным образом складывающихся в любых крупных сообществах людей, члены которых преимущественно не связаны по отношению друг к другу какими-либо моральными или иными обязательствами и ограничениями. Совместная жизнь больших масс людей неминуемо порождает многочисленные жестокие конфликты. Однако общество, члены которого открыто и безнаказанно практикуют во взаимных отношениях принцип "человек человеку волк", разумеется, нежизнеспособно и потому в целях самосохранения нуждается в создании эффективных механизмов ограничения и противодействия "коммуналности". Именно в силу этого в сообществе, численность которого достигла определенного порогового значения, неминуемо возникает государственная организация, включающая (в той или иной форме) упомянутый аппарат власти: бюрократию, армию, полицию и т. д.

В общепринятом понимании цивилизации государство является ее непременным элементом и атрибутом, будучи неизбежным злом именно как средство противодействия "коммуналности". Однако в позднем зиновьевском определении, как видим, налицо фактическое совпадение понятий

"коммуналности" и государства. Таким образом, имеем явную путаницу в терминах: по Зиновьеву, "коммуналности" как борьбе всех против всех в обществе призвана противостоять опять-таки "коммуналность", но уже определяемая как государство со всеми его атрибутами. Вспомним, что А.Зиновьев четко противопоставляет коммунизм и цивилизацию в качестве противостоящих друг другу феноменов. Причем, относя ко второй религию, право, мораль, гражданские свободы, гуманизм, он одновременно признает, что в качестве противодействия коммуналности в истории выступали и массовые убийства, и закрепование, т. е. то, что принципиально неосуществимо без использования возможностей государства как средства защиты цивилизации. (Несомненно, государство, являющееся необходимым орудием борьбы против анархии и хаоса, само нуждается в ограничениях, дабы не превратиться из орудия общества в его тирана; однако об этом речь подробнее пойдет ниже). Таким образом, данная терминологическая неопределенность (чтобы не сказать - неясность) в зиновьевских текстах ощутимо присутствует. Соответственно, признав, что коммунизм есть общество, в котором максимальное распространение получают явления коммуналности, мы можем понимать это 1) как предоставление предельного простора, при минимальных ограничениях, борьбе людей за существование или 2) напротив, предельное усиление средств, противодействующих этой борьбе, в первую очередь - государства во всех его проявлениях.

Думаю, не вызывает возражений и следующее утверждение Зиновьева: "Упомянутая выше суть коммуналности не есть абсолютное зло, как она не есть абсолютное добро. Она есть объективный факт, подобно тому, как отрицательный заряд электрона не есть зло, а положительный заряд протона не есть добро. Все то, что мы считаем добром и злом, вырастает из этой сути коммуналности в одинаковой мере. При-

чем здесь зло образует базу для добра, а добро неизбежно порождает зло. В природе человеческого общества не заложено никаких моральных зародышей и критериев оценки происходящего. Последние суть искусственные изобретения цивилизации" [21, с.61].

Таким образом, коммунизм, по определению Зиновьева, является "злонакаственной тканью на теле цивилизации". Говоря о закономерностях его распространения, автор подчеркивает, что коммунизм "растекается, движется по линии наименьшего сопротивления", "как бы течет по законам падения, проникая во все поры и щели окружающей среды и избирая наиболее доступное русло" [21, с.237; 22, с.365]. Это закономерно, учитывая естественную, врожденную склонность человека именно к этому типу общественного устройства. Трудно удержаться от параллели с приведенным выше примером того, как в массовом сознании обществ, прошедших через этап неолитической революции, идеализировался в качестве "золотого века" их прежний охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ бродячий быт. Позднейшие коммунистические тенденции также сводятся к стремлению вернуться из капиталистического общества в традиционное (в конечном счете - в "новое издание" первобытности) или вообще не переходить к капитализму, как в идеях русских народников. Это четко прослеживается как в трудах основателей "научного коммунизма", с их верой в "отмирание" государства, так и в наивных верованиях участников крестьянских движений древности, средневековья и даже начала прошлого века (вспомним хотя бы идеи наших соотечественников - последователей Нестора Махно).

По сути, стремления широких масс к коммунизму представляют собой (в основном, разумеется, не оторефлексированные) попытки в максимальной степени возродить фундаментальные характеристики первобытного общества в условиях совместной жизни уже не десятков или сотен, а

многих миллионов людей. Однако, как отмечалось, на пути этого лежат непреодолимые демографические, технологические и иные препятствия, чего, однако, не в силах постичь ни массовое сознание, ни многочисленные интеллектуалы различной степени левизны. (Как увидим ниже, в известной мере это относится и к самому Александру Зиновьеву).

В соответствии с формулировкой Джереми Бентама, морально и правильно то, что обеспечивает "наибольшее счастье невозможно большего числа членов общества" (the greatest happiness of the greatest number). Следует признать, что, исходя из этой логики, и переход (точнее, возвращение) к коммунистическому устройству общества, будь он возможен, следовало бы признать правильным и морально оправданным, ибо коммунизм привлекателен и хорош для весьма и весьма многих. Объяснению данного феномена еще в конце позапрошлого века посвятил блестящую работу "Психология социализма" (1896) французский исследователь Гюстав Ле Бон; ее основные положения не утратили актуальности и в наше время, будучи весьма наглядно подтверждены самим ходом истории.

Следует сказать, что обращение к человеческой психологии для объяснения социального поведения людей присуще и работам А.Зиновьева. Бросается в глаза, однако, что ему нередко присущи явное упрощение, примитивизация мотивов человеческих действий, сведение их преимущественно к преследованию личной выгоды, преимущественно материальной [22, с.321]. Подчеркивая свое неверие в "природную искренность" людей, Зиновьев утверждает, что "самые крайние фанатики в принципе и в потенции действуют все-таки в силу правил коммунального расчета" [21, с.70]. Люди помогают друг другу также в корыстных целях: эти действия, как и все иные, также совершаются по "коммунальным правилам". "В реальной жизни происходит такое

сложное переплетение интересов и действий людей, что усмотреть в этом клубке откровенное действие коммунальных правил оказывается возможным лишь в редких случаях. И в целом складывается лицемерная атмосфера дружбы, взаимопомощи, взаимовыручки. Подлинные механизмы поведения людей глубоко прячутся в мешанине действий и слов" [21, с.73-74].

Предполагаю, существенным фактором формирования подобных взглядов стал личный опыт жизни философа именно в советском обществе; немаловажную роль сыграли и такие индивидуальные черты характера, как выраженная склонность к мизантропии, презрение к окружающим, резкость и безапелляционность суждений. (Впрочем, у Зиновьева встречаются и более умеренные высказывания по данному вопросу. Так, он признает: "В основе моральных идей, норм, критериев, поступков и качеств лежит добровольное решение людей ограничивать действие законов коммуналности в своем поведении по отношению к другим людям" [21, с.262]).

Касается Зиновьев и следующего важного социального феномена: "...в обществе появляются люди, которые делают своей эгоистической целью благо других людей, - они самоутверждаются за счет этого" [21, с.67]. Мне представляется, однако, что и в этом случае Зиновьев одновременно и упрощает, и излишне усложняет дело. Намного более глубоким и наиболее адекватным представляется объяснение подобного поведения людей, данное выдающимся экономистом и философом, одним из наиболее заметных представителей "австрийской школы" экономической мысли (и, что малоизвестно в Украине, уроженцем Львова) Людвигом фон Мизесом. В своей фундаментальной работе "Человеческая деятельность" (1949) он, развивая идеи Джона Локка [43, с.280-282], рассматривает в качестве предпосылки к любым действиям людей испытываемое ими беспокойство, неудовлетворенность существующим положением, и соответственно стремление к макси-

мальному смягчению этого беспокойства и достижению большей удовлетворенности (что можно назвать счастьем).

Однако, подчеркивает фон Мизес, следует учитывать следующее: "Кроме индивидуальных субъективных оценок, неодинаковых у разных людей и у одного и того же человека в разные периоды жизни, другой меры удовлетворения не существует. То, что заставляет человека чувствовать себя беспокойно, устанавливается им самим исходя из его собственных желаний и суждений, личных и субъективных оценок. ... Чтобы установить этот факт, нет никакой необходимости обращаться к противоположности эгоизма и альтруизма, материализма и идеализма, индивидуализма и коллективизма, атеизма и религии. Одни стремятся улучшить свои собственные условия. У других осознание неприятностей и затруднений ближнего вызывает такое же и даже большее беспокойство, чем собственные желания. Одни не стремятся ни к чему, кроме удовлетворения своих потребностей в половых отношениях, еде, питье, хорошем доме и других материальных благах. Другие же заботятся об удовлетворении, как принято говорить, "высших" или "идеальных" потребностей. Некоторые пытаются привести свои действия в соответствие с требованиями общественного сотрудничества; другие игнорируют правила общественной жизни. Есть люди, для которых конечной целью земного пути является подготовка к блаженной жизни. Но существуют и другие - те, кто не верит ни в какие религиозные учения и не позволяет своим действиям находиться под их влиянием" [46, с.16-18].

В отличие от фон Мизеса, у Зиновьева наблюдаем явную недооценку степени различий между людьми и соответственно - побудительными мотивами их действий и преследуемыми целями. Уязвимость такой позиции легко понять, задав себе вопрос: если все люди действительно таковы, как утверждает российский философ, в какой степени в эту схему укладывается жизнен-

ный опыт самого автора, также являющегося человеком? Еще со времен античности известен аналогичный парадокс: "Критянин Эпименид утверждал, что все критяне лжецы". В данном случае - далеко не в последний раз - логика рассуждений Зиновьева представляется вовсе не бесспорной.

Так что, полагаю, нет причин, вслед за автором, подвергать сомнению искренность стремлений тех, кто стремился и стремится осчастливить человечество или какую-то его часть. При этом, однако, не следует забывать о том, что именно упомянутые стремления повлекли за собой неизмеримо большее количество жертв, особенно в XX веке, чем пресловутая погоня капиталистов за прибылью. Ведь построение земного рая предполагает одним из непременных условий "улучшение" человеческой природы, а значит, и нейтрализацию - зачастую физическое истребление - всех, кто не поддается перевоспитанию. И для большевиков, и для национал-социалистов уничтожение соответственно "эксплуататорских классов" и евреев являлось отнюдь не самоцелью, а лишь средством обеспечить своеобразно понимаемое "светлое будущее": в первом случае - построение общества социальной справедливости, во втором - благополучие Германии и "арийской расы" в целом.

с) Родовые черты советского общества

В обеих анализируемых работах значительное место отведено описанию черт (почти исключительно негативных), органически присущих коммунистическому обществу. Начнем с экономики. Прежде всего бросается в глаза, что авторского анализа особенностей функционирования коммунистической (в данном случае - советской) экономики мы здесь практически не обнаружим. Куда больше внимания, нежели производству тех или иных благ, уделено их распределению: эта черта закономерно отличает приверженцев коммунизма, но неожиданна для его сурового критика. В то же время следует учитывать, что, в соответствии с концепцией Зиновьева, экономичес-

кая сфера для коммунистических обществ, в противоположность капиталистическим, не является приоритетной; даже кризисы, по его мнению, при капитализме разворачиваются прежде всего в экономике, тогда как при коммунизме - в сфере управления, во власти [22, с.384, 404-410]. Помимо этого, складывается устойчивое впечатление, что и сам философ экономическими проблемами не слишком интересовался, чтобы не сказать - пренебрегал (примеры этого мы увидим ниже).

Как одну из базовых характеристик изучаемого строя Зиновьев выделяет следующую: "Коммунистическое общество в принципе есть общество плохо работающих людей" [21, с.120; 22, с.354]. Сами попытки коммунистической власти повысить эффективность в экономической сфере осуществляются в основном неэкономическими средствами: к ним относятся "принудительность труда, тотальный контроль, карательные меры, низкая заработная плата, минимизация средств потребления, минимизация сферы обслуживания, исключение избыточных сфер производства, создание привилегированных условий для особо важных предприятий и программ, хищническое использование природных ресурсов, полурабские формы труда". При этом относительно небольшую роль играют собственно материальные стимулы к труду [22, с.349].

Такая картина, однако, будет неполной и не сумеет объяснить, в чем же состоит привлекательность коммунистического общества для значительной (если не большей) части населения. Поэтому Зиновьев предлагает такое понятие, как "коэффициент вознаграждения": последний представляет собой соотношение величины вознаграждения к величине трудовых усилий (обратное же соотношение может быть названо "коэффициентом эксплуатации"). В советском обществе, по мнению Зиновьева, коэффициент вознаграждения выше, нежели на Западе; хотя материальный уровень жизни в СССР значительно ниже, однако интенсивность труда пропорциональ-

но еще более низка. "С точки зрения прогресса цивилизации как раз наоборот, увеличение степени эксплуатации и снижение степени вознаграждения есть признак цивилизации более высокого уровня. Это есть показатель роста производительности труда". Характерная для коммунистического общества тенденция к росту степени вознаграждения и уменьшению степени эксплуатации закономерно порождает тенденцию к замедлению роста производительности. Более того: "Есть основания предположить, что со временем тенденция к застою и деградации будет минимировать" [21, с.108, 112-114].

Надежды на научно-технический прогресс также малообоснованны, поскольку и он закономерно замедляется и имеет свои пределы в силу все тех же особенностей коммунистического общества. (Замечу, что упомянутые надежды вновь таки наталкивают на параллели с мечтами обитателей ранних цивилизаций о возвращении во времена до неолитической революции. И в том, и в другом случае препятствием служит нехватка ресурсов. Но в условиях современности распространяется вера во всемогущество науки (отмечаемая и Зиновьевым [21, с.254]), в частности, в то, что она может обеспечить всеобщее материальное изобилие. Сторонники либерализма неоднократно подчеркивали ошибочность представлений о том, будто бы неоспоримый прогресс последних столетий вызван саморазвитием науки как некоей автономной сферы. В действительности сами по себе научные открытия и технические изобретения и усовершенствования не имеют никакого практического значения, пока не найдут себе применение, а благоприятные условия для этого создает именно капиталистическая система свободного предпринимательства. Л. фон Мизес писал об этом: "Радикальное изменение условий, даровавшее широким массам на Западе современный уровень жизни (действительно высокий по срав-

нению с докапиталистическими или советскими условиями), стало следствием накопления капитала посредством сбережений и его разумного вложения дальновидными предпринимателями. Никакие технологические усовершенствования не были бы возможными, если бы дополнительные капитальные блага, требующиеся для практического использования новых изобретений, предварительно не появились бы в их распоряжении в результате сбережений" [46, с.569]. И далее: "Ни славянские большевики и националисты, ни их сторонники в Индии, Китае и Японии не понимали, что их народы больше всего нуждаются не в западной технологии, а в общественном порядке, который, в дополнение к другим достижениям, генерирует технологическое знание. Прежде всего им не хватает экономической свободы и частной инициативы, предпринимателей и капитализма. А они ищут только инженеров и станки" [46, с.629]. Однако этот очевидный факт остается непонятым - или непринятым - не только широкими массами, но и враждебно настроенными по отношению к капитализму интеллектуалами. Не будет большим преувеличением сказать, что по степени наивности и непонимания самой сути научно-технического прогресса приверженцы коммунизма мало отличаются от туземных адептов карго-культы).

Естественным следствием вышеизложенного, подчеркивает Зиновьев, явились хронические проблемы советской экономики, которые следует рассматривать не в качестве свидетельства кризиса коммунизма, а как совершенно нормальное, имманентное коммунистическому строю явление. Следствием этого, в свою очередь, стала усиливающаяся тенденция к хищнической эксплуатации природных ресурсов и к паразитизму СССР за счет своего окружения - как стран-сателлитов, так и государств Запада и "третьего мира", с целью

избежать полного экономического краха [21, с.26, 114, 222, 278; 22, с.391-392, 436]. (Кстати, весьма распространенным, в особенности в среде левых интеллектуалов, мифом является то, что в условиях первобытного коммунизма человеческие сообщества якобы существуют в полной гармонии с природой, изымая из нее для своих потребностей лишь необходимый минимум ресурсов. В действительности примеры нерационального, хищнического отношения первобытного человечества к среде обитания весьма многочисленны: достаточно вспомнить хотя бы о стремительно вымирании мегафауны Австралии, а позднее обеих Америк вскоре после заселения этих континентов людьми).

Таким образом, Зиновьев делает напрашивающийся сам собой вывод: "Марксисты мыслили такое (коммунистическое. - В.В.) общество как общество изобилия, где люди все будут иметь по потребности. Опыт же показал, что не изобилие, а крайняя бедность является наиболее адекватной реализацией марксистского идеала" [22, с.347]. Естественным следствием тотальных дефицитов, присущих советской экономике, становится ценность материальных благ, всеобщая погоня за ними. По исторической иронии судьбы, вопреки "материалистическим" основаниям марксистской теории, власть, не сумев поднять материальный уровень жизни своих подданных на обещанную высоту и осознавая опасность их разочарования вследствие краха ожиданий, все в большей мере пыталась делать упор на идеологию и "духовность" (впрочем, без особого успеха).

Сформировавшаяся в наше время ретроспективная утопия на тему позднего СССР не утверждает (во всяком случае, пока), что советские люди жили богаче своих современников на Западе. Однако "компенсатором" этого провозглашаются наличествовавшие стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Какого же

мнения об этом придерживался А.Зиновьев? В "ККР" (написанном, напомним, в 1980 году) находим пространный пассаж на эту тему: "Какие-то жизненные гарантии и уверенность в завтрашнем дне действительно имеют место в коммунистическом обществе. Они есть во всяком обществе. Они имеют место для населения и в странах Запада. Но характер и уровень гарантий, а также социально-психологический тип уверенности в завтрашнем дне различны. В коммунистическом обществе за гарантии нужно на каждом уровне сражаться. Нижний уровень гарантий настолько низок, что только люди, неспособные на коммунистическую борьбу, вынуждены довольствоваться им. А более высокий уровень достигается тратой всех физических и духовных сил. Даже на высших уровнях за все приходится платить определенной формой поведения, наводящей тоску. Уверенность же в завтрашнем дне прекрасно уживается с постоянным страхом ухудшений и каких-то катастрофических событий. Хотя созидательная сила власти сравнительно невелика, население знает, что ее негативные потенции огромны. Уровень и образ жизни здесь в огромной степени зависит от линии поведения центрального руководства и его намерений. Люди здесь способны активно улучшить свое положение, но в рамках общего уровня и стили жизни, которые от них лично не зависят. ... Сейчас, например, заурядный магазин на Западе гораздо богаче по ассортименту и качеству продуктов, чем сравнительно высокого уровня закрытый (специальный) распределитель продуктов в Советском Союзе. Тенденция общества к маниакальным мероприятиям и способность власти идти на них и вообще тенденция к грандиозным непроизводительным тратам, тенденция к росту паразитизма, к авантюризму, к фиктивным предприятиям и прочим явлениям, о которых говорилось выше, имеет неизбежным следствием то, что в самые благо-

приятные годы в коммунистической стране может иметь место предельно низкий уровень жизни, а страна в целом может долгие годы жить на грани экономической катастрофы. Блестящий пример тому - жизнь Советского Союза в последние десятилетия" [21, с.283-284].

Еще одним существенным элементом упомянутого мифа является утверждение об отсутствии или, по крайней мере, ограниченных масштабах неравенства в советском обществе. Наш автор и по этому поводу придерживался противоположного мнения, указывая, что в действительности неравенство в СССР колоссально и нередко бывает большим, чем на Западе [21, с.19]. Этого, однако, невозможно понять, не осознав, что данное неравенство выступало в иной форме, сравнительно с капиталистическими странами, поскольку блага, которыми пользовались привилегированные слои советского общества, не находились в их личной собственности. По этому поводу Зиновьевым была высказана вполне рациональная мысль о целесообразности введения нового критерия оценки богатства, а именно: во что обходится обществу содержание данной личности [21, с.193-195; 22, с.354-355]. Он констатировал: "Если богатством буржуазного общества являются деньги, то богатством общества коммунистического является прежде всего положение, занимаемое человеком в социальной иерархии" [22, с.352-353, 369-371].

Как следствие, по мнению Зиновьева, есть основания говорить о существовании в СССР более скрытой формы эксплуатации, чем в странах Запада: здесь в роли эксплуататора выступали не отдельные люди, а целый высший слой населения - "коллективный эксплуататор общества в своих интересах" [21, с.206-207; 22, с.371]. (Замечу, что эти черты коммунистического общества XX века не представляли собой чего-либо принципиально нового в историческом масштабе, имея

немало общего с ранними государствами Востока).

Итак, "для некоторой части населения коммунистических стран реальный коммунизм оказался действительно обществом изобилия, - для высших и привилегированных слоев общества" [22, с.354]. Чрезвычайно важно, на мой взгляд, отметить принципиальные отличия в этом отношении между высшими слоями населения в СССР и на Западе. В капиталистической стране бизнесмен не может безошибочно предвидеть результаты своих действий и пытается просчитать последние, осознавая их зависимость в том числе и от действий других людей. В коммунистическом же обществе (тем более стабилизировавшемся, постсталинском) результаты тех или иных действий намного более предсказуемы и просчитываемы, а следовательно, выглядят значительно более гарантированным успех попыток достичь определенного положения. В этом состоит одна из причин притягательности коммунизма, в частности, для очень многих интеллектуалов. При этом действует следующая психологическая установка: "Я долго и хорошо учился, я много знаю, значит, общество (власть, государство) должно предоставить мне определенную сумму тех или иных (не обязательно материальных) благ".

Еще одной характерной чертой позднего советского общества А.Зиновьев считал низкий уровень социальной мобильности. Понятно, что сравнивать тогдашнюю ситуацию с первыми послереволюционными десятилетиями было бы некорректным; однако фактом являлось и то, что дальнейшее снижение социальной мобильности стало отчетливой тенденцией. Все большую роль в жизненных перспективах того или иного индивидуума стало играть происхождение, что нагляднее всего прослеживалось в ситуации с молодежью [21, с.177-181; 22, с.372-373].

Чрезвычайно подробно Зиновьев анализирует роль, выполняемую в советском обществе его элементарными ячейками - первичными коллективами [21, с.91-101, 107-109, 124-127, 134-137, 143-154, 159-163, 167-174, 181-191]. Однако представляется, что их значение в жизни советских людей явно преувеличено автором, при соответствующей недооценке значения иных уровней самоидентификации и каналов коммуникации (семейных и дружеских связей, социальной, национальной и религиозной принадлежности и т. д.). Утверждение относительно работающих граждан СССР, что "жизнь в коллективе есть их подлинная жизнь, а жизнь вне его лишь условие для нее" [22, с.308-309], очевидно, справедливо относительно какой-то части населения СССР (возможно, и для самого Зиновьева), однако безоговорочно признавать за ним универсальной истинность нет никаких оснований.

(Следует отметить, что в своих поздних публикациях и выступлениях, всецело сосредоточившись на критике постсоветских реалий и западной цивилизации, наш автор противопоставлял два типа демократии и свободы. По мнению Зиновьева, граждане западных стран, в отличие от советских, действительно обладают возможностью высказывать различные мнения по тем или иным вопросам, создавать добровольные объединения, избирать центральную и местную власть путем свободного волеизъявления; однако это "компенсируется" тем, что в профессиональной сфере, в отношении своих работодателей и начальников, они обладают значительно меньшей свободой и защищенностью, в сравнении с советскими людьми. Таким образом, демократия при коммунизме не отсутствует вовсе, но функционирует на своеобразном низовом уровне, предоставляя обитателям СССР некую форму свободы, которую, в противоположность западной, можно охарактеризовать как "тайную" или "внутрен-

нюю". Трудно при этом отделаться от ощущения д?и?и? ви: ведь тезис о "внутренней свободе" в России или на Востоке в целом уже давно является органической частью тамошнего - далеко не только коммунистического - дискурса в противопоставлении "внешней" свободе западного человека. Разумеется, можно приводить рациональные аргументы в пользу того, что упомянутый тип свободы не дает возможности влиять на политику власти, которая в конечном счете и определяет реальную жизнь людей. Пренебречь этим фактом могут разве что абсолютные аскеты; однако последние могли бы составлять большинство в обществе только в канун (и как причина) его разрушения. Но характерно, что в "ККР" Зиновьев еще не придерживался того идеализированного взгляда на отношения внутри первичных коллективов советского общества, к которому пришел спустя пару десятилетий. Напротив, он утверждал: "Если член коллектива вступает в конфликт со своим первичным начальническим слоем, коллектив очень редко поддерживает его" [21, с.200]; таким образом, трудно усмотреть здесь что-то принципиально отличное от западных обществ).

Очередная неотъемлемая и общеизвестная часть постсоветской утопии, поддержанию которой Зиновьев посвятил немало усилий в последние годы жизни, касается "человеческого", "духовного" аспекта взаимоотношений в советском обществе. В соответствии с каноническим вариантом мифа, отношениям между людьми в Советском Союзе были имманентно присущи непосредственность, искренность, доброжелательность (список эпитетов при желании можно продолжить). Как же оценивал философ в 1980 году, только что покинув СССР, "духовную близость", царящую в советском обществе и отличающую его от "духовной изолированности" людей Запада? Его высказывания по поводу данного феномена не менее резки, чем марксовские - относи-

тельно капиталистического "отчуждения". "Это не есть некое достижение в духовном развитии человечества, - писал Зиновьев. - Это скорее есть нечто похожее на промискуитет, но в сфере бытовой и духовной жизни вообще. Я не знаю более мерзкого явления в человеческих общинах, чем интимная близость советских людей" [21, с.136-137].

Истоки упомянутого феномена - в том, что коммунизм формирует особый тип людей, приспособленных к жизни именно в таких условиях. "Общество здесь выпускает в массовых масштабах превосходно сделанные существа, лишенные каких бы то ни было социально-нравственных устоев и готовые на любую мерзость, какая от них потребуется смотря по обстоятельствам" [21, с.142]. Порядочных людей "в современных обществах иного типа ... неизмеримо больше, чем в коммунистических странах" [21, с.144]. Коммунистическое общество есть не только, как уже упоминалось, общество плохо работающих людей; эти люди также ненадежны, склонны к обману и прочим негативным качествам. Неудивительно, что в подобном социуме сверху донизу господствует "система пошлости, лжи и насилия" [21, с.264], а люди, при всей приспособленности к существованию в подобных условиях, не могут не испытывать перманентного душевного дискомфорта: "Состояние раздраженности, недовольства, опасения, озлобленности на других, недоброжелательства является здесь обычным психическим состоянием по крайней мере значительной и уж во всяком случае самой деловой части населения" [21, с.285]. Несомненно, при написании этих строк Зиновьев опирался в том числе и на собственный жизненный опыт.

Наконец, в обеих работах автор неоднократно акцентировал внимание на том, что коммунизму присуща тенденция к возрастанию роли принудительного труда и соответственно - формированию группы населения, статус которой близок

к рабскому. "Понимание показывает, что эта тенденция закономерна, а не есть результат лишь злого умысла нескольких нехороших людей" [21, с.12]. В случае беспрепятственного развития потенциалов коммунистического общества его эволюция, по мнению Зиновьева, помимо появления армии рабов, имела бы результатом прикрепление людей к месту жительства и работы, всеобъемлющую регламентацию рабочего и свободного времени, деперсонификацию творческой деятельности, полную стандартизацию, дальнейший рост неравенства и наследственного расслоения, жесткое подавление оппозиции и инакомыслия [22, с.437]. Подобная картина прежде всего вызывает ассоциации с антиутопиями Евгения Замятина и Джорджа Оруэлла, однако не следует забывать, что по многим параметрам здесь прослеживаются прямые параллели с такими вполне реальными обществами прошлого, как Древний Египет или империя инков Тауантинсуйу (с поправкой на то, что тогдашний уровень технологий не позволял власти осуществлять по-настоящему тоталитарный контроль над населением; впрочем, это в известной степени компенсировалось иными факторами - круговой порукой, обычаями и традициями и т. д.).

d) Еще об истоках коммунизма. Почему Россия, а не Запад?

Как уже отмечалось, одной из несомненных интеллектуальных заслуг А.Зиновьева представляется то, что он открыто признал: общество того типа, которое построено в СССР и других "социалистических" странах, и является коммунистическим; никакой иной коммунизм невозможен. Вполне логичным выглядит и следующий его тезис о том, что надежды на построение "коммунизма с человеческим лицом" где-нибудь на Западе - беспочвенная утопия [21, с.7, 12-13, 48]. Это резко контрастировало с позицией мно-

гих левых интеллектуалов в западных странах, отстаивавших принципиальную возможность реформирования, "гуманизации", "демократизации" и т. д. подобного общества (вспомним хотя бы Стивена Коэна, связывавшего историческую альтернативу сталинскому варианту с фигурой Н.Бухарина).

Свое видение данной проблемы Зиновьев обосновывал следующим образом: "Что плохого, казалось бы, в решении каких-то людей на Западе разрушить капитализм, сохранив достоинства западной цивилизации, и построить вместо него коммунизм, избежав таких недостатков его, какие обнаружили в Советском Союзе? Хорошее намерение. Но, увы, принципиально невыполнимое. Существуют необходимые координации социальных явлений, отменить которые не в силах никто. Утрата недостатков западной цивилизации не может обойтись без утраты координированных с ними достоинств. Приобретение достоинств коммунизма невозможно без приобретения координированных с ними недостатков" [21, с.25]. Поэтому различные общества могут продвигаться к коммунизму разными путями, но конечные результаты окажутся сходными [22, с.464].

Тут возникает закономерный вопрос: почему некоммунистические общества могут быть и действительно являлись и являются весьма различными, а коммунистические - нет (словно в соответствии с первой фразой "Анны Карениной" - "Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему")? Почему в западных странах, с их либеральными традициями, невозможен коммунизм, более "мягкий", в сравнении с советским эталоном? Напомним, что пути выхода из острейшего кризиса 20-30-х гг. (всего лишь одним из проявлений которого стала "великая депрессия") в некоторых капиталистических странах, в первую очередь - США и Великобритании, разительно отличались

от тех, на которые встал целый ряд государств Центральной и Южной Европы: речь и об итальянском фашизме, и о немецком национал-социализме, и о других типологически схожих с ними режимах. Даже с учетом всех авторитарных и социалистических тенденций президентства Франклина Рузвельта и в целом неоднозначности этой исторической фигуры [11, с.130-171], безусловным преувеличением является проводимая некоторыми классическими либералами параллель между ним и Адольфом Гитлером. Вряд ли подлежит сомнению то, что в основе этих различий лежат особенности предыдущего исторического опыта и традиций этих стран.

Как уже упоминалось, среди идей и оценок А.Зиновьева немало как глубоких и точных, так и спорных, и откровенно сомнительных. Однако, повторюсь, любой научный труд и даже философский трактат должен восприниматься в качестве не источника вечных и непререкаемых истин, а прежде всего отправной точки для дальнейших размышлений. В этом отношении, как представляется, анализируемые работы могут дать толчок к более адекватному пониманию происхождения и природы упомянутых "правых" тоталитаризмов. (При этом не будем забывать, что, вопреки склонности самого Бенито Муссолини именовать свой режим тоталитарным, и в плане контроля над различными сферами жизни общества, и тем более по степени репрессивности он несравнимо уступал сталинскому СССР, не говоря уже о восточноазиатских коммунистических диктатурах: КНР, КНДР, Вьетнаме, Кампучии. Собственно итальянский фашизм, абстрагируясь от термина, давно и прочно превращенного в жупел советским агитпропом и всевозможными "антифашистами", скорее вызывает ассоциации, скажем, с диктатурой Николае Чаушеску в Румынии).

Безусловно, фашизм и национал-социализм представляют собой весьма

сложные (и далеко не тождественные) явления и не могут быть сведены к единственному источнику. В советской историографии была канонизирована версия, в соответствии с которой "фашизм" явился реакцией переживающего кризис капиталистического общества перед лицом угрозы со стороны укрепляющихся сил социализма с авангардом в лице "первого в мире государства рабочих и крестьян". Данная точка зрения действительно обоснованна, хотя и нуждается в существенно иной расстановке акцентов. И фашизм в Италии, и национал-социализм в Германии, и другие родственные им движения межвоенной Европы вряд ли могут быть объяснены вне контекста I Мировой войны и ее последствий; были они в том числе и реакцией на угрозу победившего русского большевизма и коммунистических восстаний в целом ряде стран.

Данный факт признает (хотя и лаконично) сам Зиновьев [23, с.478]. С большой долей вероятности можно предположить, что это прямо связано с имевшей место в ФРГ в 1986-1989 гг. интеллектуальной полемикой, известной как Historikerstreit (традиционный перевод - "спор историков", хотя точнее было бы - "ссора историков"). Эти события получили широкий общественный резонанс и, уверен, не могли пройти мимо внимания проживавшего в Западной Германии Зиновьева. Дискуссия касалась как степени "укорененности" (и соответственно закономерности появления) национал-социализма в предшествующей истории Германии, так и сопоставимости преступлений нацизма с преступлениями сталинского СССР. Разумеется, помимо чисто академической, данная полемика имела четко выраженную идеологическую составляющую, вылившись в противостояние между правыми и левыми интеллектуалами. Задал тон дискуссии историк и философ Эрнст Нольте, выдвинувший и обосновавший тезис о

том, что национал-социализм в Германии явился защитной реакцией на угрозу со стороны русского большевизма, а "расовые убийства" в нацистских лагерях смерти были лишь позднейшим отражением "классовых убийств" в системе ГУЛАГа. Таким образом, нет серьезных оснований выделять именно преступления гитлеровского режима, в частности Холокост, в качестве некоего уникального зла, не имеющего прецедентов. Ведущей фигурой в противоположном лагере был философ и социолог Юрген Хабермас, выдвинувший против Нольте и его единомышленников традиционный набор обвинений в "ревизионизме".

По мнению левых, дискуссия завершилась их победой (впрочем, они вынуждены признать, что Historikerstreit способствовал снятию продолжительного табу на сравнения между нацизмом и коммунизмом). Однако подобная оценка, как минимум, преувеличена, свидетельствами чего служат два документа. Во-первых, это резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. "Европейское сознание и тоталитаризм", фактически отождествляющая коммунистический и нацистский режимы. 23 августа было предложено утвердить в качестве общеевропейского Дня памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Спустя 3 месяца, 3 июля Парламентская ассамблея ОБСЕ, в свою очередь, приняла резолюцию "Воссоединение разделенной Европы", уравнивающую тяжесть преступлений, совершенных "двумя мощными тоталитарными режимами, нацистским и сталинским", и поддерживающую инициативу Европарламента в отношении 23 августа. Резолюция обращена ко всем странам-участницам с призывом отказаться от "структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приукрасить историю".

Впрочем, при всем значении такого фактора, как коммунистическая угроза, он все же в значительной степени являлся

внешним вызовом. Не в меньшей, если не в большей степени (подобные градации, разумеется, чисто субъективны) фашизм, национал-социализм и близкие им движения представляли собой реакцию и собственно на капитализм. Признавать ли правоту за Максом Вебером, усматривавшем идейную сердцевину последнего в духе протестантизма, или Вернером Зомбартом, подчеркивавшим роль еврейства, упомянутые течения, несомненно, были реакцией против "плутократии", индустриального общества, "Запада" (представленного при взгляде из Германии в первую очередь англосаксонской общностью, во вторую - Францией) и т. д. Вряд ли в наше время серьезный исследователь - даже марксист - верит, вслед за советскими историками, в то, что национал-социалистическое движение представляло собой орудие в руках монополистического капитала; подобное утверждение по своей примитивности вполне достойно веры в большевистскую революцию как заговор мировой закулисы против "исторической России".

Одним из символов веры левых интеллектуалов и прежде, и сейчас служит тезис о том, что правые тоталитарные идеологии имеют качественно иные истоки, нежели коммунистическая. Корни последней якобы лежат в Новом времени, в эпохе Просвещения, это идеология модерна (если не постмодерна), цель которой - построение нового общества, тогда как фашизм и нацизм апеллировали к прошлому, к архаике, представляли собой отрицание модерна, "консервативную революцию".

В действительности нет ничего более далекого от истины, чем подобные идеологические стереотипы. Проблема лишь, как модно сейчас выражаться, в исследовательской оптике, а именно нечувствительности к объектам, лежащим слишком далеко во времени. Вне сомнения, и в Италии, и в Германии, и во многих других странах имел место протест "малень-

кого человека" против отчуждения, и не столько между непосредственным производителем и средствами производства, сколько между людьми, против обезличивания и одиночества в огромном городе, разрыва традиционных связей в обществе, отхода от привычных поведенческих стереотипов, иерархий и т. д. Безусловно, это было реакцией на модернизацию и против нее, откровенным поиском идеала в относительно недавнем (на памяти одного-двух поколений) прошлом, желанием вернуться в привычный, уютный, понятный мир, окружавший ранее крестьянина, ремесленника, мелкого торговца, вообще человека традиционного общества.

Но все дело в том, что коммунистические идеи, если отбросить прикрывающую их идеологическую шелуху, апеллируют к куда более глубокой и соответственно прочно забытой - по крайней мере, на уровне сознания - архаике: не к Средневековью или раннему Новому времени, а напрямую к доцивилизационному, догосударственному, первобытному обществу. (Совершенно не случайно марксисты в свое время предсказывали демонтаж государства).

О том, что "весь социализм есть результат возрождения первобытных инстинктов", результат стремления человека, который "цивилизировался в значительной степени вопреки своей воле", вернуться к первобытному, дикарскому состоянию, предупреждал еще один выдающийся представитель "австрийской школы" и ученик фон Мизеса, Фридрих фон Хайек [61, с.490]. Необходимо понимать, писал он, что теоретики коммунизма пытаются "выдать за новую мораль то, что служит инстинктивным томлениям далекого прошлого" [61, с.487, 491]. Весомые аргументы в пользу этого, как уже отмечалось, приведены и Зиновьевым, в особенности в "ККР". В самом деле, то, что было с нами вчера, свежо в памяти, и его повторение воспринимает-

ся как возвращение к старому, а вот происходившее несколько лет назад успева-ет позабыться и потому воспринимается как новое; отнюдь не случайна поговорка "Новое - хорошо забытое старое". Однако контролировать причуды своей памяти - обязанность каждого здравомыслящего человека, и вдвойне - историка.

В свете сказанного выше я солидарен с теми, кто рассматривает коммунистический проект как одну из многочисленных в XX веке попыток "преодоления" модернизации и возвращения, в тех или иных формах, к традиционным общественным структурам. Что же до противопоставления "правых" тоталитарных идеологий, отвергающих идеи Просвещения, и "левых", якобы укорененных в последних, то оно парадоксальным образом не учитывает того очевидного факта, что само Просвещение как феномен интеллектуальной истории не является чем-то целостным, гомогенным. Безусловно, данный сюжет слишком обширен и сложен, чтобы рассматривать его "на полях" данной работы; но достаточно сравнить традиции, восходящие к Дж.Локку и Ж.-Ж.Руссо, относительно соотношения между безопасностью, свободой и ответственностью граждан и верховной властью (в последнем случае подмененной концепцией "народа-суверена") или, скажем, оценки "естественного состояния" человечества в сравнении с цивилизацией Т.Гоббсом и тем же Руссо.

Следующая мысль Зиновьева, которая представляется чрезвычайно перспективной для развития, касается противостояния между силами коммунизма и цивилизации в глобальном масштабе: "Борьба против коммунистической тенденции - в интересах всех. Но в силу исторических обстоятельств жизни людей и воплощением отдельных сторон ее в различных относительно автономных образованиях носителями коммунистических сил и сил цивилизации становятся отдельные лица, группы лиц, страны и группы стран. Лишь благодаря не-

прерывному сопротивлению коммунистической тенденции (а не уничтожению ее, что невозможно в живом обществе) цивилизация может сохраняться и продолжаться" [21, с.28]. Запомним это: тенденция к коммунизму не может быть окончательно преодолена, уничтожена, как имманентная самой человеческой природе; однако вполне логично предположить, что и стремление к цивилизации, т. е. к развитию, прогрессу, точно так же присуще людям.

Но пока остановимся на другом утверждении Зиновьева, в соответствии с которым как в авангарде борьбы цивилизации против коммунизма, так и по ту сторону воображаемых (но в то же время и весьма реальных) баррикад находятся не только отдельные индивидуумы и их группы, но и конкретные страны и народы. С этим неразрывно связан вопрос, на который пытались ответить сотни, если не тысячи философов, ученых, политиков, да и просто мыслящих и неравнодушных людей как в самой России, так и за ее пределами: почему первой страной, где был построен коммунизм, стала именно она?

Как правило, попытки ответов сводились и сводятся (при всем их разнообразии) к двум противоположным концепциям. В соответствии с первой, большевистский переворот и последующие события стали отрицанием, антирезой всего предыдущего исторического пути России, будучи привнесены извне, с Запада. Другой взгляд на проблему состоит в том, что, при всех внешних отличиях (скажем, между самодержавной монархией Романовых и партийной диктатурой в СССР, официальным православием и официальным атеизмом), куда фундаментальнее глубинное сходство между обеими системами, значительно более близкими друг к другу, чем все к тому же Западу, в любых его аспектах. Разумеется, доказать и первую, и вторую теории нет никакой возможности, в том смысле доказательства, какой существует в точных и естественных науках. Однако

рассмотрим, какие аргументы и в пользу какого решения предлагает А.Зиновьев.

С точки зрения российского философа, победа коммунистического строя именно в его стране вполне закономерна: "Не случайно ... коммунизм впервые вырвался на историческую арену не на высокоразвитом капиталистическом Западе, а в капиталистической отсталой России с высокоразвитыми явлениями коммунальности, а именно: с мощным централизованным государственным аппаратом и классом чиновников, с привычкой масс населения к подчинению властям, с крестьянской общиной. ... Не случайно также то, что коммунизм оказался соблазнительным для стран со слабым развитием капитализма" [22, с.301, 377]. Более того, советский коммунизм во многом стал воспроизведением крепостнической России [21, с.42].

Весьма интересна мысль, высказанная Зиновьевым относительно преемственности (и ее степени) между советской государственностью и государственностью "исторической России": "Здесь монархическое государство вроде бы было разрушено революцией 1917 года, но государственность как таковая сохранилась, расширилась и укрепилась. Советское государство явилось преемником и продолжением дореволюционного русского государства. Российская история была по преимуществу историей государственности. Она такую и осталась в советский период. И такую она останется на все времена, пока сохраняется коммунизм, как бы советские правители ни мудрили с внешними формами государственности, заимствуя их на Западе" [22, с.319]. Это утверждение вызывает немало вопросов. Несомненно, Зиновьев прав относительно того, что в российском обществе и до захвата власти большевиками существовали элементы коммунизма (более того, как я постараюсь показать ниже, есть все основания полагать, что эти элементы были значительно сильнее, чем во многих других странах, прежде всего на Западе). Но каким образом могло сохраниться государ-

ство, явно не бывшее коммунистическим (впрочем, как и капиталистическим)?

Мне представляется, что ключом к данной проблеме может послужить меткое замечание Г.Ле Бона. По его мнению, "народы не могут выбирать свои учреждения, они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, переставшие ему нравиться, - это не раз наблюдалось в истории. Чего история никогда еще не показывала - это того, чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь продолжительно. ... Без сомнения, учреждения преобразуются в течение веков, но всегда медленной эволюцией и никогда путем внезапных революций". Поэтому бесперспективны надежды, питаемые революционерами: "Можно желать переделать общество сообразно своим мечтам, но такие мечты никогда не осуществлялись. Напрасно волнуется человек. Им управляют такие высшие силы, как закон необходимости, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избежать ее невозможно" [40, с. 9-10].

Далеко не случайным представляется признание Зиновьевым (правда, сделанное уже в 1990 году, накануне краха СССР, а не тогда, когда он представлялся нерушимым), что республики Прибалтики, Средней Азии, Азербайджан, Молдова могут, в принципе, достаточно легко вернуться в докоммунистическое состояние [22, с.302]. (Украина по понятным причинам не упомянута; впрочем, хорошо известно, что победа далась здесь большевикам намного труднее, чем в России, особенно Центральной. Более того, хотя в первой половине 1990-х гг. еще могло казаться, что "дрейф" прочь от коммунизма ельцинской РФ происходит намного быстрее, в сравнении с постсоветской Украиной, впоследствии стало вполне ясно,

что это было не более чем временной исторической флюктуацией).

Выяснению предпосылок к коммунизму, существовавших в российском обществе, может помочь анализ специфики обществ Запада, отличающей их, в частности, от России. Полагаю, фундаментальной чертой следует признать относительную слабость государства в античном мире, а впоследствии - в странах Западной Европы эпохи Средневековья и Нового времени (впрочем, античные полисы трудно считать государствами в полном смысле этого слова, поскольку там отсутствовал профессиональный аппарат власти, отделенный от массы граждан). Речь идет о слабости не сравнительно с другими государствами, прежде всего в военном отношении, а по отношению к "подведомственным" обществам. Образно говоря, если на Востоке государство было традиционно намного сильнее общества, то на Западе соотношение сил оказывалось далеко не таким однозначным. Ф. фон Хайек писал по этому поводу: "Как хорошо заметил французский историк Жан Беклер, "развитие капитализма обязано своим зарождением и смыслом политической анархии". Так было в Средние века в Европе. Сюда эта идея попала из Древней Греции, где (тоже в какой-то мере благодаря политической анархии) не только были открыты личная свобода и частная собственность, но и обнаружено, что они неотделимы друг от друга; это открытие и привело к созданию первой цивилизации свободных людей" [61, с.487].

Достаточно убедительна концепция выдающегося российского синоведа Леонида Васильева, в соответствии с которой как античное полисное, так и западное капиталистическое общества представляют собой своеобразные исторические "социальные мутации", отклонения от магистральной линии развития человечества в целом. В отличие от остальных обществ (условно именуемых "мировой деревней"), с их практически полным контролем государства над населением, феноменом "власти-собствен-

ности", "государственным способом производства", на Западе власть была поставлена под контроль общества. Это создало условия для развития протокапитализма - частнособственнических, рыночных отношений, при незначительном вмешательстве государства; так сформировался "мировой город". Античная традиция частично сохранилась в западноевропейских городах с их самоуправлением и впоследствии дала толчок развитию капитализма. Что же до современного коммунизма, то, по мнению Васильева, это результат перинтерпретации марксизма для нужд "мировой деревни" [8]. (Разумеется, и данная концепция не дает ответа на все вопросы: так, степень ответственности между античностью и позднейшей Западной Европой - отдельная чрезвычайно сложная проблема, поскольку общеизвестно, что капиталистическое общество наиболее рано и успешно формировалось в регионах, вообще оказавшихся в свое время на периферии (Англия) или в основном за пределами (Нидерланды, Шотландия) античной ойкумены).

Какова же зиновьевская интерпретация и оценка западной специфики? Последняя привлекла к себе интерес нашего автора уже в годы кризиса коммунизма. В первую очередь обращает на себя внимание созвучный идеям Васильева тезис Зиновьева о том, что формы западного образа жизни не следует считать универсальными и всеобщими [22, с.451]. Он писал: "Я утверждаю, что исключительной является историческая судьба Запада, а не России. Западный тип общественного устройства (капитализм и демократия) дал положительные результаты лишь в немногих странах мира, а именно - лишь в странах Запада с определенным человеческим материалом" [23, с.489]. Подобному тезису можно оппонировать со следующих позиций: по какой причине коммунизм следует рассматривать в качестве универсального, всечеловеческого явления, тогда как капитализм - лишь частного, можно сказать, регионального? И почему, в отличие от Запада, Россия лишена собствен-

ного, отличного от других, исторического пути? Ниже будет предложена попытка доказательств правоты Зиновьева; не уверен, однако, что сам бы он согласился с ней.

Так почему же все-таки именно в России была предпринята первая в новейшее время, причем удачная (хотя и не по марксистским лекалам) попытка построения коммунизма? С долей (но лишь долей!) иронии на это можно ответить так: потому же, почему не каждый небогатый человек становится вором и не все люди болеют при эпидемии гриппа. Как известно, человек есть мера всех вещей, и именно человеческий фактор следует принимать во внимание прежде всего. Прав Зиновьев: люди - не кирпичи, и попытка построить из них что-то заранее заданное никогда не удастся. Но истинно и обратное: общество таково, каковы составляющие его люди. И об этом Зиновьев писал также: "Когда распадается данная человеческая общность и рушится созданный ею тип общества, а на месте развалин из того же человеческого материала создается новая общность, то последняя либо оказывается восстановлением прежней, либо близкой к прежней по типу общества" [21, с.41-42]. Нетрудно сделать вывод, что, по его мнению, к началу строительства большевиками коммунизма в России местный "человеческий материал" уже был пригоден для подобного употребления (что, разумеется, не исключало последующих манипуляций власти по его "улучшению").

Сам Зиновьев (хотя и мимоходом) признавал факт "разнородности человеческого материала" [22, с.421]. Очевидно, это применимо не только к отдельным индивидуумам, но и к целым сообществам людей. Обратимся вновь к Г.Ле Бону. Замечу сразу, что частое его обращение к такому понятию, как "раса", ныне способен вызвать бурю обвинений из лагеря адептов тоталитарной политкорректности. Данный термин по известным причинам оказался под полузапретом после II Мировой войны; однако французский мыслитель вовсе не пре-

увеличивал роли наследственности, вообще расы в физическом смысле: "Название "раса" мы понимаем отнюдь не в антропологическом смысле, так как давно уже, если не считать диких народов, чистые расы почти исчезли. У цивилизованных народов существуют только расы, которые мы ... называли историческими, т. е. расы, создавшиеся всецело под влиянием исторических событий. Такие расы образуются, когда народ, состоящий иногда из элементов весьма различного происхождения, в течение веков подвергается влияниям сходных между собою условий среды и общественного строя, общих учреждений и верований и совершенно одинакового воспитания. ... Все это совершается не в один день, и пока создание национального духа народа не закончено, до тех пор нельзя считать, что народ сформировался, что данная цивилизация определилась, что историческая раса установилась". И далее, применительно к "латинской расе": "Это выражение - латинские народы - прилагается к таким народам, у которых, может быть, нет и капли латинской крови, которые в течение долгих веков находились под игом латинских идей" [40, с.153-154].

Таким образом, в центре внимания Ле Бона находятся процессы формирования "общих (или традиционных) верований", т. е. того, что сейчас принято называть менталитетом: "Общее верование, может быть, составляет самый могущественный фактор для образования национального духа, национальной воли и, след., единства в направлении чувств и идей народа" [40, с.87-88]. В соответствии с этим запасом идей происходит и познание людьми окружающего мира и, как следствие, его различное понимание ими, разный смысл, вкладываемый в одни и те же термины [40, с.88-94]. (В отечественной истории в качестве примера прежде всего вспоминаются едва не сорвавшиеся переговоры в январе 1654 года в Переяславе между старшиной Войска Запорожского во главе с Богданом Хмельницким и московским посольством. Несмотря

на общую религию и близкие язык и бытовую культуру, политическая культура украинцев, их понятия о государстве, власти и подданстве оказались малосовместимыми с таковыми у русских, оставаясь значительно более близкими к принятым в Речи Посполитой; этому не воспрепятствовали ни кровопролитная война с "ляхами", ни религиозная рознь с ними. Разумеется, корни этого следует искать в предшествующей истории).

Чрезвычайно занимательна характеристика Ле Боном национального характера (не древних) греков: "Просвещенная Европа, смотревшая на этот маленький народ сквозь призму классических воспоминаний времен Перикла, начала терять свои иллюзии лишь тогда, когда выяснился совершенный цинизм, с которым какие-то политики, заключив повсюду в Европе займы, одним взмахом пера вычеркнули свой долг, отказываясь уплачивать %..., в тот самый день, когда не могли найти более заимодавцев. ... Политиканам, применявшим этот способ, он сперва казался весьма изобретательным. Но они совсем упустили одно обстоятельство: подобное банкротство приводило в конце концов практиковавшие это средство страны к тому, что они подпадают под строгий контроль, а следовательно, и под главенство других стран. В настоящее время греки испытывают это на себе. Так как положительно невозможно было найти между ними нескольких человек, необходимых для более или менее честного управления финансами, им пришлось поневоле ... согласиться на передачу управления своими финансами в руки иностранных агентов, контролируемых правительствами заинтересованных стран" [40, с.227]. Трудно поверить, что эти строки написаны почти за 120 лет до СИРИЗА и Алексиса Ципраса. Не лишним будет припомнить, кстати, опыт Латвии по преодолению финансового кризиса с помощью жестких мер бюджетной экономии: он свидетельствует, что население бывшей советской республики, несмотря на (если верить Зиновьеву)

полувековые усилия советской власти по формированию из него подходящего для коммунизма человеческого материала, на поверку оказалось куда менее "ушибленным" коммунизмом, нежели греки, не прожившие ни одного дня в собственно коммунистическом обществе.

Так чем же все-таки определяется большая или меньшая склонность того или иного народа, представителей той или иной культуры к коммунизму? Сам по себе факт различий между культурами не подлежит сомнению и осознавался людьми издавна. Нередки были и попытки провозгласить, а то и обосновать превосходство той или иной человеческой общности над другой. В наше время воинствующего мультикультурализма интеллектуальной модой стали декларации о том, что любое ранжирование культур недопустимо, даже в отношении наиболее примитивных сообществ, понятие прогресса сугубо относительно и конвенционально, а потому древнегреческая философия, трагедии Шекспира (кто бы ни был их автором) либо современная наука не заслуживают того, чтобы отдавать им предпочтение перед фольклором аборигенов Австралии и бушменов или их же умением добывать пищу в неблагоприятном природном окружении. (Впрочем, в последнем отношении им не уступает множество видов живых организмов, чью приспособленность к окружающей среде принято объяснять накоплением случайных изменений в ходе эволюции).

Представляется, однако, что есть критерий прогресса, по которому те или иные культуры можно сравнивать и оценивать и который отражает степень "продвинуто" человеческого сообществ по пути от "естественного состояния" к цивилизации. Сомнительно назвать его "коэффициентом цивилизованности", однако корректнее, вслед за автором, придерживаться термина "уровень развития". Этот концепт предложил в своей чрезвычайно интересной и во многих отношениях новаторской работе "Введение в прогрессологию" отечествен-

ный исследователь Андрей Алексах. Что бы не прибегать к пересказу, приведу (вынужденно чрезвычайно обширную) цитату из его работы: "Прежде всего мы должны ... сформулировать само понятие прогресса. ... основные принципы механизма прогресса, а следовательно, и его критерий, должны быть одинаковыми как для современного общества, так и для группы охотников и собирателей, живших при каменном веке.

... Кажется очевидным, что прогресс - это хорошо, а его отсутствие - плохо. Но "хорошо" и "плохо" - слишком субъективные понятия, чтобы на их основе пытаться дать научное определение. Исторический материал свидетельствует, что не было случаев, чтобы при явном движении общества вперед не ухудшалось положение отдельных социальных слоев. Чаще же ... страдала большая часть общества.

... изменениям в материальной культуре, а равно и в технологиях должны предшествовать изменения в сознании людей. В начале всех прогрессивных изменений нечто должно измениться в самих людях. Это нечто автор предлагает считать уровнем развития населения. ... Главным критерием прогресса следует называть изменение уровня развития населения. Уровень развития - это сложное, комплексное свойство населения. Уровень развития близок к уровню интеллекта, но это не одно и то же. ... это ... способность решать задачи, но не абстрактные, а те, которые возникают в процессе жизни.

Понятие уровня развития скорее применимо ко всей массе населения, в крайнем случае, к отдельным социальным слоям. ... так как практически в любом современном обществе существует разделение труда, нет критериев, по которым мы могли бы определить уровень развития конкретного человека. Только в самых примитивных обществах, в которых отсутствует разделение труда и где каждый должен уметь все делать сам, человек, который пренебрегает решением жизненных проблем, как бы он при этом ни был умен, имеет уровень развития ниже,

чем его менее умные, но более прагматичные сограждане.

Различие между уровнем развития и интеллектом весьма ощутимо. Например, вряд ли охотники и собиратели имели уровень интеллекта более низкий, чем ранние земледельцы. ... тяжелый, однообразный труд на полях отуплял человека. Но уже первые земледельцы имели более высокий уровень развития, чем охотники, потому что они были способны к такому труду. Вероятно, никого не нужно убеждать в том, что переход от охоты и собирательства к земледелию был огромным прогрессом в жизни любого человеческого сообщества. Путешественники из Европы часто отмечали "лень" охотников и собирателей, их неспособность целенаправленно трудиться продолжительное время. ... Хотя индейцы биологически ничем принципиально не отличались от белых или негров, но что-то важное отсутствовало в их сознании, что приводило к губительному стрессу, когда индейцев заставляли работать на полях. Именно это что-то и было недостающим шагом в уровне их развития. Индейцы вполне могли справиться и физически, и интеллектуально с трудом на плантации, но у них не было умения заставить себя делать это.

Таким образом, уровень развития подразумевает не только возможность того, что та или иная задача может быть в принципе решена, но и решимость и воля населения эту задачу обязательно решить. Иначе говоря, уровень развития включает в себя две составляющие - уровень интеллекта и силу воли. ... Конкретный человек может обладать очень высоким уровнем интеллекта, но при этом не умеет и не хочет применить свой интеллект для решения задач, на которые существует спрос. На первом этапе развития ... рост уровня развития основной массы населения происходил главным образом за счет волевой составляющей, так как до промышленной революции основная масса населения занята сельским хозяйством, а эта деятельность требует не столько умственной работы, сколько упорного, це-

ленаправленного и тяжелого физического труда.

Теперь мы можем сказать, что прогресс общества - это повышение уровня развития населения. Однако уровень развития - это внутреннее свойство человека, которое внешне должно в чем-то выражаться. Уровень развития выражается внешне в уровне потребностей. Бытует расхожее мнение, что потребности общества безграничны, а возможности их удовлетворить ограничены. Но так ли это на самом деле? До настоящего времени существуют народы, которые остались на довольно низком уровне развития. При этом очевидно, что эти люди вполне могли бы жить лучше, внешние факторы это позволяют. ... Их в принципе удовлетворяют убогие жилища, дешевая одежда, почти полное отсутствие предметов длительного пользования в быту, низкий уровень медицинского обслуживания. Разумеется, представители таких человеческих сообществ могут сказать, что хотели бы большего. Но они осознают, что для достижения большего нужно больше работать, больше уметь, больше знать. И вот тут-то и пролегает грань между ними и представителями более высокоразвитых человеческих сообществ. Последние не просто мечтают о каких-то жизненных благах, они готовы работать, чтобы достигнуть в жизни большего, и они это делают и добиваются своих целей. Поэтому под уровнем потребностей нужно понимать потребности, ради достижения которых человек готов прилагать усилия, целенаправленно трудиться.

Конкретному уровню развития довольно жестко соответствует определенный уровень потребностей, при этом ... уровень развития является определяющим. Уровень потребностей - это тот критерий, который хорошо виден любому наблюдателю и позволяет практически безошибочно судить об уровне развития населения. ... Чем населению меньше нужно от жизни, тем ниже его уровень развития. Но не следует понимать уровень потребностей как некую арифметическую сумму вещей, которые нужны

человеку. Потребности любого человека подчиняются очень жесткой иерархии. На первом месте всегда стоят потребности в реализации базовых природных инстинктов. Эти потребности присущи любому человеку, независимо от уровня развития, но при этом они развиваются, как и все остальное. Например, инстинкт самосохранения присущ людям с самым низким уровнем развития. Они избегают непосредственной опасности, например, хищников, высоты и т. п. По мере развития этой потребности человек не просто не будет подвергать себя непосредственной опасности, а станет, например, соблюдать правила гигиены, чтобы избежать опасности инфекционного заболевания. На более высоком уровне он будет заниматься спортом, придерживаться определенной диеты и т. д. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет о потребностях населения, а не конкретного человека. ... Любой человек индивидуален. Его потребности также индивидуальны. Возможна ситуация, когда человек, имеющий очень высокий уровень интеллекта, демонстрирует весьма низкий уровень потребностей. ... Когда же мы говорим о потребностях населения, то под этим понимается некая среднеарифметическая сумма потребностей, нечто усредненное...

В некотором смысле именно уровень потребностей определяет то, насколько население конкретной страны хорошо живет. Поэтому правильнее было бы сказать, что уровень потребностей в каждом конкретном случае ограничен, хотя общество в принципе может их всегда удовлетворить, как высоко бы уровень потребностей ни поднялся. Население всегда стремится воплотить свой уровень потребностей в жизнь. В результате этих усилий человека окружает определенная социальная и материальная среда. Условия жизни населения можно называть уровнем потребления. Следует отметить, что уровень потребления включает в себя не только потребление материальных благ, но и безопасность, соблюдение в обществе определенного порядка. Это вещи

нематериальные, но они соответствуют настолько важным для любого человека потребностям, что часто значат больше, чем материальные предметы. Уровень потребления обязательно должен соответствовать уровню потребностей. Несоответствие вызывает сильный дискомфорт и не может продолжаться долго. Однако уровень потребностей всегда несколько выше уровня потребления. Иными словами, человек всегда хочет большего, чем он достиг.

... важно понимать, что все народы поднимаются вверх по одной и той же лестнице, шагают через одни и те же ступени. Ступени этой лестницы - уровни развития, а процесс восхождения и есть прогресс. Разница в уровне развития всегда была питательной средой национализма и разных форм фашизма. Хотя самого понятия уровня развития и не существовало до выхода этой книги, он такая же реальность, как и цвет волос или кожи. И это хорошо ощущалось населением всегда. Разница в уровне развития и, соответственно, разница в уровне потребления служила основанием для утверждений о превосходстве одних народов над другими. Утверждалось, что эта разница является следствием неких качеств, внутренне присущих тому или иному народу. Понятие уровня развития позволяет понять причины различий в уровне потребления различных народов, как и то, что эти различия преходящи и временны.

Очень важным является вопрос о критериях, по которым можно судить, на каком уровне находится то или иное сообщество. Поскольку мы уже отказались от материальных признаков прогресса на том основании, что они вторичны по отношению к изменениям в сознании, то, чтобы остаться последовательным, нужно от них отказаться и в этом случае. Об уровне, которого достигло то или иное сообщество, можно судить по уровню потребностей. Мы уже отмечали выше, что потребности подчиняются жесткой иерархии, имеют четко выраженную структуру. По тому, насколько развиты потребности населения, можно судить

о степени развития, на котором находится данное сообщество людей. ... потребности включают в себя не только материальные блага, но и необходимость поддержания в обществе определенного порядка, что создает определенные условия для удовлетворения потребностей каждого члена этого общества. Именно отношение общества к человеку есть важнейший критерий при оценке степени развития. Речь идет, если можно так выразиться, об общественной этике, независимо от того, закреплена она в законах или нет. ... Например, если в обществе практикуется убийство стариков, то человек, убивающий своего отца, прекрасно понимает, что так же поступят и с ним. ... Этот перечень можно продолжать, но вывод тут таков: если уровень развития данного сообщества достаточно высок, оно отказывается от подобной практики в первую очередь потому, что его члены сами не хотят оказаться в числе пострадавших. ... Только когда уровень развития и соответствующий уровень потребностей потребует этого, общество перейдет к более высокой ступени отношения к человеку. Ярким примером разного отношения общества к личности может служить вопрос о правах человека. Высокоразвитые нации часто требуют от правительств стран, народы которых не достигли пока достаточно высокого уровня развития, таких же стандартов отношения к личности, какие существуют в их государствах. Эти требования кажутся более отсталым нациям надуманными, в то время как высокоразвитые нации не понимают, как можно терпеть подобный деспотизм и тоталитаризм.

Итак, рост уровня развития населения есть главный критерий прогресса. Важнейшим вопросом в этой связи является механизм формирования уровня развития населения. Уровень развития формируется характером деятельности, в принципе, независимо от ее рода. Это может быть как работа, так и развлечение. Чем деятельность более сложная, чем упорнее и дольше человек себя ей посвящает, тем более высо-

кий уровень развития он сформирует. Прежде всего уровень развития каждого индивидуума формируется в детстве... Этот уровень развития можно назвать базовым...

Базовый уровень развития определяется уровнем потребления, при котором человек вырос и сформировался. Под уровнем потребления имеется в виду потребление не только материальных благ, но и то, в какой степени ребенок был окружен заботой, насколько уважались его права, насколько развивающими интеллект были его развлечения и т. д. ... Чем выше был уровень потребления в детстве у той или иной группы людей, тем высший уровень развития они формируют. В течение первого этапа развития, то есть в доиндустриальных обществах, базовый уровень развития нового поколения обычно соответствовал уровню развития предыдущего поколения. Если же новое поколение впоследствии увеличивало свой уровень развития выше базового, то происходил прогресс данного общества.

Что же было для этого нужно, или, иными словами, какие же факторы обуславливают рост уровня развития? Как уже отмечалось выше, уровень развития зависит от того, насколько сложной деятельностью занято население. ... Но если для ребенка игры могут формировать достаточно высокий уровень развития, то для взрослого человека такой деятельностью может быть только работа. ... Чем сложнее трудовая активность населения, тем оно умнее. Таким образом, усложнение трудовой деятельности происходит под воздействием факторов, являющихся для человеческого сознания внешними. Сперва возникает необходимость в усложнении трудовой деятельности, потом постепенно выполнение более сложных трудовых действий развивает интеллект и закаляет волю человека, после чего возрастает уровень потребностей, который реализуется в более высоком уровне потребления" [1, с.5-14].

Свое видение данной проблемы Зиновьев обосновывал следующим образом: "Что плохого, казалось бы, в решении каких-то

людей на Западе разрушить капитализм, сохранив достоинства западной цивилизации, и построить вместо него коммунизм, избежав таких недостатков его, какие обнаружались в Советском Союзе? Хорошее намерение. Но, увы, принципиально невыполнимое. Существуют необходимые координации социальных явлений, отметить которые не в силах никто. Утрата недостатков западной цивилизации не может обойтись без утраты координированных с ними достоинств. Приобретение достоинств коммунизма невозможно без приобретения координированных с ними недостатков" [21, с.25]. Поэтому различные общества могут продвигаться к коммунизму разными путями, но конечные результаты окажутся сходными [22, с.464].

Тут возникает закономерный вопрос: почему некоммунистические общества могут быть и действительно являлись и являются весьма различными, а коммунистические - нет (словно в соответствии с первой фразой "Анны Карениной" - "Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему")? Почему в западных странах, с их либеральными традициями, невозможен коммунизм, более "мягкий", в сравнении с советским эталоном? Вспомним, что пути выхода из острейшего кризиса 20-30-х гг. (всего лишь одним из проявлений которого стала "великая депрессия") в некоторых капиталистических странах, в первую очередь - США и Великобритании, рязительно отличались от тех, на которые встал целый ряд государств Центральной и Южной Европы: речь и об итальянском фашизме, и о немецком национал-социализме, и о других типологически схожих с ними режимах. Даже с учетом всех авторитарных и социалистических тенденций президентства Франклина Рузвельта и в целом неоднозначности этой исторической фигуры [11, с. 130-171], безусловным преувеличением является проводимая некоторыми классическими либералами параллель между ним и Адольфом Гитлером. Вряд ли подлежит сомнению то, что в осно-

ве этих различий лежат особенности предыдущего исторического опыта и традиций этих стран.

Как уже упоминалось, среди идей и оценок А.Зиновьева немало как глубоких и точных, так и спорных, и откровенно сомнительных. Однако, повторяюсь, любой научный труд и даже философский трактат должен восприниматься в качестве не источника вечных и непререкаемых истин, а прежде всего отправной точки для дальнейших размышлений. В этом отношении, как представляется, анализируемые работы могут дать толчок к более адекватному пониманию происхождения и природы упомянутых "правых" тоталитаризмов. (При этом не будем забывать, что, вопреки склонности самого Бенито Муссолини именовать свой режим тоталитарным, и в плане контроля над различными сферами жизни общества, и тем более по степени репрессивности он несравнимо уступал сталинскому СССР, не говоря уже о восточноазиатских коммунистических диктатурах: КНР, КНДР, Вьетнаме, Кампучии. Собственно итальянский фашизм, абстрагируясь от термина, давно и прочно превращенного в жупел советским агитпропом и всевозможными "антифашистами", скорее вызывает ассоциацию, скажем, с диктатурой Николае Чаушеску в Румынии).

Безусловно, фашизм и национал-социализм представляют собой весьма сложные (и далеко не тождественные) явления и не могут быть сведены к единственному источнику. В советской историографии была канонизирована версия, в соответствии с которой "фашизм" явился реакцией переживающего кризис капиталистического общества перед лицом угрозы со стороны укрепляющихся сил социализма с авангардом в лице "первого в мире государства рабочих и крестьян". Данная точка зрения действительно обоснованна, хотя и нуждается в существенно иной расстановке акцентов. И фашизм в Италии, и национал-социализм в Германии, и другие родственные им движения межвоенной Европы вряд ли могут

быть объяснены вне контекста I Мировой войны и ее последствий; были они в том числе и реакцией на угрозу победившего русского большевизма и коммунистических восстаний в целом ряде стран.

Данный факт признает (хотя и лаконично) сам Зиновьев [23, с.478]. С большой долей вероятности можно предположить, что это прямо связано с имевшей место в ФРГ в 1986-1989 гг. интеллектуальной полемикой, известной как Historikerstreit (традиционный перевод - "спор историков", хотя точнее было бы - "ссора историков"). Эти события получили широкий общественный резонанс и, уверен, не могли пройти мимо внимания проживавшего в Западной Германии Зиновьева. Дискуссия касалась как степени "укорененности" (и соответственно закономерности появления) национал-социализма в предшествующей истории Германии, так и сопоставимости преступлений нацизма с преступлениями сталинского СССР. Разумеется, помимо чисто академической, данная полемика имела четко выраженную идеологическую составляющую, вылившись в противостояние между правыми и левыми интеллектуалами. Задал тон дискуссии историк и философ Эрнст Нольте, выдвинувший и обосновавший тезис о том, что национал-социализм в Германии явился защитной реакцией на угрозу со стороны русского большевизма, а "расовые убийства" в нацистских лагерях смерти были лишь позднейшим отражением "классовых убийств" в системе ГУЛАГа. Таким образом, нет серьезных оснований выделять именно преступления гитлеровского режима, в частности Холокост, в качестве некоего уникального зла, не имеющего прецедентов. Ведущей фигурой в противоположном лагере был философ и социолог Юрген Хабермас, выдвинувший против Нольте и его единомышленников традиционный набор обвинений в "ревизионизме".

По мнению левых, дискуссия завершилась их победой (впрочем, они вынуждены признать, что Historikerstreit способствовал

снятию продолжительного табу на сравнения между нацизмом и коммунизмом). Однако подобная оценка, как минимум, преувеличена, свидетельствами чего служат два документа. Во-первых, это резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. "Европейское сознание и тоталитаризм", фактически отождествляющая коммунистический и нацистский режимы. 23 августа было предложено утвердить в качестве общеевропейского Дня памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Спустя 3 месяца, 3 июля Парламентская ассамблея ОБСЕ, в свою очередь, приняла резолюцию "Воссоединение разделенной Европы", уравнивающую тяжесть преступлений, совершенных "двумя мощными тоталитарными режимами, нацистским и сталинским", и поддерживающую инициативу Европарламента в отношении 23 августа. Резолюция обращена ко всем странам-участницам с призывом отказаться от "структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приукрасить историю".

Впрочем, при всем значении такого фактора, как коммунистическая угроза, он все же в значительной степени являлся внешним вызовом. Не в меньшей, если не в большей степени (подобные градации, разумеется, чисто субъективны) фашизм, национал-социализм и близкие им движения представляли собой реакцию и собственно на капитализм. Признать ли правоту за Максом Вебером, усматривавшем идейную сердцевину последнего в духе протестантизма, или Вернером Зомбартом, подчеркивавшим роль еврейства, упомянутые течения, несомненно, были реакцией против "плутократии", индустриального общества, "Запада" (представленного при взгляде из Германии в первую очередь англосаксонской общностью, во вторую - Францией) и т. д. Вряд ли в наше время серьезный исследователь - даже марксист - верит, вслед за советскими историками, в то, что национал-социалистическое движение представляло собой орудие в руках монополистического капитала; подобное утверждение по своей

примитивности вполне достойно веры в большевистскую революцию как заговор мировой закулисы против "исторической России".

Одним из символов веры левых интеллектуалов и прежде, и сейчас служит тезис о том, что правые тоталитарные идеологии имеют качественно иные истоки, нежели коммунистическая. Корни последней якобы лежат в Новом времени, в эпохе Просвещения, это идеология модерна (если не постмодерна), цель которой - построение нового общества, тогда как фашизм и нацизм апеллировали к прошлому, к архаике, представляли собой отрицание модерна, "консервативную революцию".

В действительности нет ничего более далекого от истины, чем подобные идеологические стереотипы. Проблема лишь, как модно сейчас выражаться, в исследовательской оптике, а именно нечувствительности к объектам, лежащим слишком далеко во времени. Вне сомнения, и в Италии, и в Германии, и во многих других странах имел место протест "маленького человека" против отчуждения, и не столько между непосредственным производителем и средствами производства, сколько между людьми, против обезличивания и одиночества в огромном городе, разрыва традиционных связей в обществе, отхода от привычных поведенческих стереотипов, иерархий и т. д. Безусловно, это было реакцией на модернизацию и против нее, откровенным поиском идеала в относительно недавнем (на памяти одного-двух поколений) прошлом, желанием вернуться в привычный, уютный, понятный мир, окружавший ранее крестьянина, ремесленника, мелкого торговца, вообще человека традиционного общества.

Но все дело в том, что коммунистические идеи, если отбросить прикрывающую их идеологическую шелуху, апеллируют к куда более глубокой и соответственно прочно забытой - по крайней мере, на уровне сознания - архаике: не к Средневековью или раннему Новому времени, а прямо к доцивилизационному, догосударственному,

первобытному обществу. (Совершенно не случайно марксисты в свое время предусматривали демонтаж государства).

О том, что "весь социализм есть результат возрождения первобытных инстинктов", результат стремления человека, который "цивилизировался в значительной степени вопреки своей воле", вернуться к первобытному, дикарскому состоянию, предупреждал еще один выдающийся представитель "австрийской школы" и ученик фон Мизеса, Фридрих фон Хайек [61, с.490]. Необходимо понимать, писал он, что теоретики коммунизма пытаются "выдать за новую мораль то, что служит инстинктивным толмечам далекого прошлого" [61, с.487, 491]. Весо-мые аргументы в пользу этого, как уже отмечалось, приведены и Зиновьевым, в особенности в "ККР". В самом деле, то, что было с нами вчера, свежо в памяти, и его повторение воспринимается как возвращение к старому, а вот происшедшее несколько лет назад успевает позабыться и потому воспринимается как новое; отнюдь не случайно поговорка "Новое - хорошо забытое старое". Однако контролировать причуды своей памяти - обязанность каждого здравомыслящего человека, и вдвойне - историка.

В свете сказанного выше я солидарен с теми, кто рассматривает коммунистический проект как одну из многочисленных в XX веке попыток "преодоления" модернизации и возвращения, в тех или иных формах, к традиционному общественному структурам. Что же до противопоставления "правых" тоталитарных идеологий, отвергающих идеи Просвещения, и "левых", якобы укорененных в последних, то оно парадоксальным образом не учитывает того очевидного факта, что само Просвещение как феномен интеллектуальной истории не является чем-то целостным, гомогенным. Безусловно, данный сюжет слишком обширен и сложен, чтобы рассматривать его "на полях" данной работы; но достаточно сравнить традиции, восходящие к Дж.Локку и Ж.-Ж.Руссо, относительно соотношения между безопасностью, свободой и соб-

ственностью граждан и верховной властью (в последнем случае подмененной концепцией "народа-суверена") или, скажем, оценки "естественного состояния" человечества в сравнении с цивилизацией Т.Гоббсом и тем же Руссо.

Следующая мысль Зиновьева, которая представляется чрезвычайно перспективной для развития, касается противостояния между силами коммунизма и цивилизации в глобальном масштабе: "Борьба против коммунистической тенденции - в интересах всех. Но в силу исторических обстоятельств жизни людей и воплощением отдельных сторон ее в различных относительно автономных образованиях носителями коммунистических сил и сил цивилизации становятся отдельные лица, группы лиц, страны и группы стран. Лишь благодаря непрерывному сопротивлению коммунистической тенденции (а не уничтожению ее, что невозможно в живом обществе) цивилизация может сохраняться и продолжаться" [21, с.28]. Запомним это: тенденция к коммунизму не может быть окончательно преодолена, уничтожена, как имманентная самой человеческой природе; однако вполне логично предположить, что и стремление к цивилизации, т. е. к развитию, прогрессу, точно так же присуще людям.

Но пока остановимся на другом утверждении Зиновьева, в соответствии с которым как в авангарде борьбы цивилизации против коммунизма, так и по ту сторону воображаемых (но в то же время и весьма реальных) баррикад находятся не только отдельные индивидуумы и их группы, но и конкретные страны и народы. С этим неразрывно связан вопрос, на который пытались ответить сотни, если не тысячи философов, ученых, политиков, да и просто мыслящих и неравнодушных людей как в самой России, так и за ее пределами: почему первой страной, где был построен коммунизм, стала именно она?

Как правило, попытки ответов сводились и сводятся (при всем их разнообразии) к двум противоположным концепци-

ям. В соответствии с первой, большевистский переворот и последующие события стали отрицанием, антитезой всего предыдущего исторического пути России, будучи принесены извне, с Запада. Другой взгляд на проблему состоит в том, что, при всех внешних отличиях (скажем, между самодержавной монархией Романовых и партийной диктатурой в СССР, официальным православием и официальным атеизмом), куда фундаментальнее глубинное сходство между обеими системами, значительно более близкими друг к другу, чем все к тому же Западу, в любых его аспектах. Разумеется, доказать и первую, и вторую теории нет никакой возможности, в том смысле доказательства, какой существует в точных и естественных науках. Однако рассмотрим, какие аргументы и в пользу какого решения предлагает А.Зиновьев.

С точки зрения российского философа, победа коммунистического строя именно в его стране вполне закономерна: "Не случайно ... коммунизм впервые вырвался на историческую арену не на высококоразвитом капиталистическом Западе, а в капиталистически отсталой России с высококоразвитыми явлениями коммунальности, а именно: с мощным централизованным государственным аппаратом и классом чиновников, с привычкой масс населения к подчинению властям, с крестьянской общиной. ... Не случайно также то, что коммунизм оказался соблазнительным для стран со слабым развитием капитализма" [22, с.301, 377]. Более того, советский коммунизм во многом стал воспроизведением крепостнической России [21, с.42].

Весьма интересна мысль, высказанная Зиновьевым относительно преемственности (и ее степени) между советской государственностью и государственностью "исторической России": "Здесь монархическое государство вроде бы было разрушено революцией 1917 года, но государственность как таковая сохранилась, расширилась и укрепилась. Советское государство явилось преемником и продолжением дореволюцион-

ного русского государства. Российская история была по преимуществу историей государственности. Она такую и осталась в советский период. И такую она останется на все времена, пока сохраняется коммунизм, как бы советские правители ни мудрили с внешними формами государственности, заимствуя их на Западе" [22, с.319]. Это утверждение вызывает немало вопросов. Несомненно, Зиновьев прав относительно того, что в российском обществе и до захвата власти большевиками существовали элементы коммунизма (более того, как я постараюсь показать ниже, есть все основания полагать, что эти элементы были значительно сильнее, чем во многих других странах, прежде всего на Западе). Но каким образом могло сохраниться государство, явно не бывшее коммунистическим (впрочем, как и капиталистическим)?

Мне представляется, что ключом к данной проблеме может послужить меткое замечание Г.Ле Бона. По его мнению, "народы не могут выбирать свои учреждения, они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, переставшие ему нравиться, - это не раз наблюдалось в истории. Чего история никогда еще не показывала - это того, чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь продолжительно. ... Без сомнения, учреждения преобразуются в течение веков, но всегда медленной эволюцией и никогда путем внезапных революций". Поэтому бесперспективны надежды, питаемые революционерами: "Можно желать переделать общество сообразно своим мечтам, но такие мечты никогда не осуществлялись. Напрасно волнуется человек. Им управляют такие высшие силы, как закон необходимости, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избежать ее невозможно" [40, с. 9-10].

Далеко не случайным представляется признание Зиновьевым (правда, сделанное уже в 1990 году, накануне краха СССР, а не тогда, когда он представлялся нерушимым), что республики Прибалтики, Средней Азии, Азербайджан, Молдова могут, в принципе, достаточно легко вернуться в докоммунистическое состояние [22, с.302]. (Украина по понятным причинам не упомянута; впрочем, хорошо известно, что победа далась здесь большевикам намного труднее, чем в России, особенно Центральной. Более того, хотя в первой половине 1990-х гг. еще могло казаться, что "дрейф" прочь от коммунизма ельцинской РФ происходит намного быстрее, в сравнении с посоветской Украиной, впоследствии стало вполне ясно, что это было не более чем временной исторической флюктуацией).

Выяснению предпосылок к коммунизму, существовавших в российском обществе, может помочь анализ специфики обществ Запада, отличающей их, в частности, от России. Полагаю, фундаментальной чертой следует признать относительную слабость государства в античном мире, а впоследствии - в странах Западной Европы эпохи Средневековья и Нового времени (впрочем, античные полисы трудно считать государствами в полном смысле этого слова, поскольку там отсутствовал профессиональный аппарат власти, отделенный от массы граждан). Речь идет о слабости не сравнительно с другими государствами, прежде всего в военном отношении, а по отношению к "подведомственным" обществам. Образно говоря, если на Востоке государство было традиционно намного сильнее общества, то на Западе соотношение сил оказывалось далеко не таким однозначным. Ф. фон Хайек писал по этому поводу: "Как хорошо заметил французский историк Жан Беклер, "развитие капитализма обязано своим зарождением и смыслом политической анархии". Так было в Средние века в Европе. Сюда эта идея попала из Древней Греции, где (тоже в какой-то мере благодаря политической анархии) не только были

открыты личная свобода и частная собственность, но и обнаружено, что они неотделимы друг от друга; это открытие и привело к созданию первой цивилизации свободных людей" [61, с.487].

Достаточно убедительна концепция выдающегося российского сиолога Леонида Васильева, в соответствии с которой как античное полисное, так и западное капиталистическое общества представляют собой своеобразные исторические "социальные мутации", отклонения от магистральной линии развития человечества в целом. В отличие от остальных обществ (условно именуемых "мировой деревней"), с их практически полным контролем государства над населением, феноменом "власти-собственности", "государственным способом производства", на Западе власть была поставлена под контроль общества. Это создало условия для развития протокапитализма - частнособственнических, рыночных отношений, при незначительном вмешательстве государства, так сформировался "мировой город". Античная традиция частично сохранилась в западноевропейских городах с их самоуправлением и впоследствии дала толчок развитию капитализма. Что же до современного коммунизма, то, по мнению Васильева, это результат перинтерпретации марксизма для нужд "мировой деревни" [8]. (Разумеется, и данная концепция не дает ответа на все вопросы: так, степень преемственности между античностью и позднейшей Западной Европой - отдельная чрезвычайно сложная проблема, поскольку общеизвестно, что капиталистическое общество наиболее рано и успешно формировалось в регионах, вообще оказавшихся в свое время на периферии (Англия) или в основном за пределами (Нидерланды, Шотландия) античной ойкумены).

Какова же зиновьевская интерпретация и оценка западной специфики? Последняя привлекла к себе интерес нашего автора уже в годы кризиса коммунизма. В первую очередь обращает на себя внимание созвучный идеям Васильева тезис Зиновьева о

том, что формы западного образа жизни не следует считать универсальными и всеобщими [22, с.451]. Он писал: "Я утверждаю, что исключительной является историческая судьба Запада, а не России. Западный тип общественного устройства (капитализм и демократия) дал положительные результаты лишь в немногих странах мира, а именно - лишь в странах Запада с определенным человеческим материалом" [23, с.489]. Подобному тезису можно оппонировать со следующих позиций: по какой причине коммунизм следует рассматривать в качестве универсального, всечеловеческого явления, тогда как капитализм - лишь частного, можно сказать, регионального? И почему, в отличие от Запада, Россия лишена собственного, отличного от других, исторического пути? Ниже будет предложена попытка доказательств правоты Зиновьева; не уверен, однако, что сам бы он согласился с ней.

Так почему же все-таки именно в России была предпринята первая в новейшее время, причем удачная (хотя и не по марксистским лекалам) попытка построения коммунизма? С долей (но лишь долей!) иронии на это можно ответить так: потому же, почему не каждый небогатый человек становится вором и не все люди болеют при эпидемии гриппа. Как известно, человек есть мера всех вещей, и именно человеческий фактор следует принимать во внимание прежде всего. Прав Зиновьев: люди - не кирпичи, и попытка построить из них что-то заранее заданное никогда не удастся. Но истинно и обратное: общество таково, каковы составляющие его люди. И об этом Зиновьев писал также: "Когда распадается данная человеческая общность и рушится созданный ею тип общества, а на месте развалин из того же человеческого материала создается новая общность, то последняя либо оказывается восстановлением прежней, либо близкой к прежней по типу общества" [21, с.41-42]. Нетрудно сделать вывод, что, по его мнению, к началу строительства большевиками коммунизма в России местный "человеческий матери-

ал" уже был пригоден для подобного употребления (что, разумеется, не исключало последующих манипуляций власти по его "улучшению").

Сам Зиновьев (хотя и мимоходом) признавал факт "разнородности человеческого материала" [22, с.421]. Очевидно, это применимо не только к отдельным индивидуумам, но и к целым сообществам людей. Обратимся вновь к Г.Ле Бону. Замечу сразу, что частое его обращение к такому понятию, как "раса", ныне способен вызвать бурю обвинений из лагеря адептов тоталитарной политкорректности. Данный термин по известным причинам оказался под запретом после II Мировой войны; однако французский мыслитель вовсе не превеличивал роли наследственности, вообще расы в физическом смысле: "Название "раса" мы понимаем отнюдь не в антропологическом смысле, так как давно уже, если не считать диких народов, чистые расы почти исчезли. У цивилизованных народов существуют только расы, которые мы ... назвали историческими, т. е. расы, создавшиеся всецело под влиянием исторических событий. Такие расы образуются, когда народ, состоящий иногда из элементов весьма различного происхождения, в течение веков подвергается влиянию сходных между собою условий среды и общественного строя, общих учреждений и верований и совершенно одинакового воспитания. ... Все это совершается не в один день, и пока создание национального духа народа не закончено, до тех пор нельзя считать, что народ сформировался, что данная цивилизация определилась, что историческая раса установилась". И далее, применительно к "латинской расе": "Это выражение - латинские народы - прилагается к таким народам, у которых, может быть, нет и капли латинской крови, которые в течение долгих веков находились под игом латинских идей" [40, с.153-154].

Таким образом, в центре внимания Ле Бона находятся процессы формирования "общих (или традиционных) верований", т.

е. того, что сейчас принято называть менталитетом: "Общее верование, может быть, составляет самый могущественный фактор для образования национального духа, национальной воли и, след., единства в направлении чувств и идей народа" [40, с.87-88]. В соответствии с этим запасом идей происходит и познание людьми окружающего мира и, как следствие, его различное понимание ими, разный смысл, вкладываемый в одни и те же термины [40, с.88-94]. (В отечественной истории в качестве примера прежде всего вспоминаются едва не сорвавшиеся переговоры в январе 1654 года в Переяславе между старшиной Войска Запорожского во главе с Богданом Хмельницким и московским посольством. Несмотря на общую религию и близкие язык и бытовую культуру, политическая культура украинцев, их понятия о государстве, власти и подданстве оказались малосовместимыми с таковыми у русских, оставаясь значительно более близкими к принятым в Речи Посполитой; этому не воспрепятствовали ни кровопролитная война с "ляхами", ни религиозная рознь с ними. Разумеется, корни этого следует искать в предшествующей истории).

Чрезвычайно интересна характеристика Ле Боном национального характера (не древних) греков: "Просвещенная Европа, смотревшая на этот маленький народ сквозь призму классических воспоминаний времен Перикла, начала терять свои иллюзии лишь тогда, когда выяснился совершенный цинизм, с которым какие-то политики, заключив повсюду в Европе займы, одним взмахом пера вычеркнули свой долг, отказываясь уплачивать %..., в тот самый день, когда не могли найти более заимодавцев. ... Политиканам, применявшим этот способ, он сперва казался весьма изобретательным. Но они совсем упустили одно обстоятельство: подобное банкротство приводело в конце концов практиковавшие это средство страны к тому, что они подпадают под строгий контроль, а следовательно, и под главенство других стран. В настоящее время греки испытывают это на себе. Так как

положительно невозможно было найти между ними нескольких человек, необходимых для более или менее честного управления финансами, им пришлось поневоле ... согласиться на передачу управления своими финансами в руки иностранных агентов, контролируемых правительствами заинтересованных стран" [40, с.227]. Трудно поверить, что эти строки написаны почти за 120 лет до СИРИЗА и Алексиса Ципраса. Не лишним будет припомнить, кстати, опыт Латвии по преодолению финансового кризиса с помощью жестких мер бюджетной экономии: он свидетельствует, что население бывшей советской республики, несмотря на (если верить Зиновьеву) полувековые усилия советской власти по формированию из него подходящего для коммунизма человеческого материала, на проверку оказалось куда менее "ушибленным" коммунизмом, нежели греки, не прожившие ни одного дня в собственно коммунистическом обществе.

Так чем же все-таки определяется большая или меньшая склонность того или иного народа, представителей той или иной культуры к коммунизму? Сам по себе факт различий между культурами не подлежит сомнению и осознавался людьми издавна. Нередки были и попытки провозгласить, а то и обосновать превосходство той или иной человеческой общности над другой. В наше время воинствующего мультикультурализма интеллектуальной модой стали декларации о том, что любое ранжирование культур недопустимо, даже в отношении наиболее примитивных сообществ, понятие прогресса сугубо относительно и конвенционально, а потому древнегреческая философия, трагедии Шекспира (кто бы ни был их автором) либо современная наука не заслуживают того, чтобы отдавать им предпочтение перед фольклором аборигенов Австралии и бушменов или их же умением добывать пищу в неблагоприятном природном окружении. (Впрочем, в последнем отношении им не уступает множество видов живых организмов, чью приспособленность к окружающей среде принято объяснять накаплива-

нием случайных изменений в ходе эволюции).

Представляется, однако, что есть критерий прогресса, по которому те или иные культуры можно сравнивать и оценивать и который отражает степень "продвинуто" человеческих сообществ по пути от "естественного состояния" к цивилизации. Событийно назвать его "коэффициентом цивилизованности", однако корректнее, вслед за автором, придерживаться термина "уровень развития". Этот концепт предложил в своей чрезвычайно интересной и во многих отношениях новаторской работе "Введение в прогрессологию" отечественный исследователь Андрей Алексах. Чтобы не прибегать к пересказу, приведу (вынужденно чрезвычайно обширную) цитату из его работы: "Прежде всего мы должны ... сформулировать само понятие прогресса. ... основные принципы механизма прогресса, а следовательно, и его критерий, должны быть одинаковыми как для современного общества, так и для группы охотников и собирателей, живших при каменном веке.

... Кажется очевидным, что прогресс - это хорошо, а его отсутствие - плохо. Но "хорошо" и "плохо" - слишком субъективные понятия, чтобы на их основе пытаться дать научное определение. Исторический материал свидетельствует, что не было случаев, чтобы при явном движении общества вперед не ухудшалось положение отдельных социальных слоев. Чаще же ... страдала большая часть общества.

... изменениям в материальной культуре, а равно и в технологиях должны предшествовать изменения в сознании людей. В начале всех прогрессивных изменений нечто должно измениться в самих людях. Это нечто автор предлагает считать уровнем развития населения. ... Главным критерием прогресса следует называть изменение уровня развития населения. Уровень развития - это сложное, комплексное свойство населения. Уровень развития близок к уровню интеллекта, но это не одно и то же. ... это ... спо-

собность решать задачи, но не абстрактные, а те, которые возникают в процессе жизни.

Понятие уровня развития скорее применимо ко всей массе населения, в крайнем случае, к отдельным социальным слоям. ... так как практически в любом современном обществе существует разделение труда, нет критериев, по которым мы могли бы определить уровень развития конкретного человека. Только в самых примитивных обществах, в которых отсутствует разделение труда и где каждый должен уметь все делать сам, человек, который пренебрегает решением жизненных проблем, как бы он при этом ни был умен, имеет уровень развития ниже, чем его менее умные, но более прагматичные сограждане.

Различие между уровнем развития и интеллектом весьма ощутимо. Например, вряд ли охотники и собиратели имели уровень интеллекта более низкий, чем ранние земледельцы. ... тяжелый, однообразный труд на полях отуплял человека. Но уже первые земледельцы имели более высокий уровень развития, чем охотники, потому что они были способны к такому труду. Вероятно, никого не нужно убеждать в том, что переход от охоты и собирательства к земледелию был огромным прогрессом в жизни любого человеческого сообщества. Путешественники из Европы часто отмечали "лень" охотников и собирателей, их неспособность целенаправленно трудиться продолжительное время. ... Хотя индейцы биологически ничем принципиально не отличались от белых или негров, но что-то важное отсутствовало в их сознании, что приводило к губительному стрессу, когда индейцев заставляли работать на полях. Именно это что-то и было недостающим шагом в уровне их развития. Индейцы вполне могли справиться и физически, и интеллектуально с трудом на плантации, но у них не было умения заставить себя делать это.

Таким образом, уровень развития подразумевает не только возможность того, что та или иная задача может быть в принципе решена, но и решимость и волю населения эту задачу обязательно решить. Иначе говоря, уровень развития включает в себя две составляющие - уровень интеллекта и силу воли. ... Конкретный человек может обладать очень высоким уровнем интеллекта, но при этом не умеет и не хочет применить свой интеллект для решения задач, на которые существует спрос. На первом этапе развития ... рост уровня развития основной массы населения происходил главным образом за счет волевой составляющей, так как до промышленной революции основная масса населения занята сельским хозяйством, а эта деятельность требует не столько умственной работы, сколько упорного, целенаправленного и тяжелого физического труда.

Теперь мы можем сказать, что прогресс общества - это повышение уровня развития населения. Однако уровень развития - это внутреннее свойство человека, которое внешне должно в чем-то выражаться. Уровень развития выражается внешне в уровне потребностей. Бытует расхожее мнение, что потребности общества безграничны, а возможности их удовлетворить ограничены. Но так ли это на самом деле? До настоящего времени существуют народы, которые остались на довольно низком уровне развития. При этом очевидно, что эти люди вполне могли бы жить лучше, внешние факторы это позволяют. ... Их в принципе удовлетворяют убогие жилища, дешевая одежда, почти полное отсутствие предметов длительного пользования в быту, низкий уровень медицинского обслуживания. Разумеется, представители таких человеческих сообществ могут сказать, что хотели бы большего. Но они осознают, что для достижения большего нужно больше работать, больше уметь, больше знать. И вот тут-то и пролегает грань меж-

ду ними и представителями более высокоразвитых человеческих сообществ. Последние не просто мечтают о каких-то жизненных благах, они готовы работать, чтобы достигнуть в жизни большего, и они это делают и добиваются своих целей. Поэтому под уровнем потребностей нужно понимать потребности, ради достижения которых человек готов прилагать усилия, целенаправленно трудиться.

Конкретному уровню развития довольно жестко соответствует определенный уровень потребностей, при этом ... уровень развития является определяющим. Уровень потребностей - это тот критерий, который хорошо виден любому наблюдателю и позволяет практически безошибочно судить об уровне развития населения. ... Чем населению меньше нужно от жизни, тем ниже его уровень развития. Но не следует понимать уровень потребностей как некую арифметическую сумму вещей, которые нужны человеку. Потребности любого человека подчиняются очень жесткой иерархии. На первом месте всегда стоят потребности в реализации базовых природных инстинктов. Эти потребности присущи любому человеку, независимо от уровня развития, но при этом они развиваются, как и все остальное. Например, инстинкт самосохранения присущ людям с самым низким уровнем развития. Они избегают непосредственной опасности, например, хищников, высоты и т. п. По мере развития этой потребности человек не просто не будет подвергать себя непосредственной опасности, а станет, например, соблюдать правила гигиены, чтобы избежать опасности инфекционного заболевания. На более высоком уровне он будет заниматься спортом, придерживаться определенной диеты и т. д. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет о потребностях населения, а не конкретного человека. ... Любой человек индивидуален. Его потребности также индивидуальны. Возможна ситуация, когда человек, имеющий очень высокий уро-

вень интеллекта, демонстрирует весьма низкий уровень потребностей. ... Когда же мы говорим о потребностях населения, то под этим понимается некая среднеарифметическая сумма потребностей, нечто усредненное...

В некотором смысле именно уровень потребностей определяет то, насколько население конкретной страны хорошо живет. Поэтому правильнее было бы сказать, что уровень потребностей в каждом конкретном случае ограничен, хотя общество в принципе может их всегда удовлетворить, как высоко бы уровень потребностей ни поднимался. Население всегда стремится воплотить свой уровень потребностей в жизнь. В результате этих усилий человека окружает определенная социальная и материальная среда. Условия жизни населения можно назвать уровнем потребления. Следует отметить, что уровень потребления включает в себя не только потребление материальных благ, но и безопасность, соблюдение в обществе определенного порядка. Это вещи нематериальные, но они соответствуют настолько важным для любого человека потребностям, что часто значат больше, чем материальные предметы. Уровень потребления обязательно должен соответствовать уровню потребностей. Несоответствие вызывает сильный дискомфорт и не может продолжаться долго. Однако уровень потребностей всегда несколько выше уровня потребления. Иными словами, человек всегда хочет большего, чем он достиг.

... важно понимать, что все народы поднимаются вверх по одной и той же лестнице, шагают через одни и те же ступени. Ступени этой лестницы - уровни развития, а процесс восхождения и есть прогресс. Разница в уровне развития всегда была питательной средой национализма и разных форм фашизма. Хотя самого понятия уровня развития и не существовало до выхода этой книги, он такая же реальность, как и цвет волос или кожи. И это хорошо ощуща-

лось населением всегда. Разница в уровне развития и, соответственно, разница в уровне потребления служила основанием для утверждений о превосходстве одних народов над другими. Утверждалось, что эта разница является следствием неких качеств, внутренне присущих тому или иному народу. Понятие уровня развития позволяет понять причины различий в уровне потребления различных народов, как и то, что эти различия преходящи и временны.

Очень важным является вопрос о критериях, по которым можно судить, на каком уровне находится то или иное сообщество. Поскольку мы уже отказались от материальных признаков прогресса на том основании, что они вторичны по отношению к изменениям в сознании, то, чтобы остаться последовательным, нужно от них отказаться и в этом случае. Об уровне, которого достигло то или иное сообщество, можно судить по уровню потребностей. Мы уже отмечали выше, что потребности подчиняются жесткой иерархии, имеют четко выраженную структуру. По тому, насколько развиты потребности населения, можно судить о степени развития, на котором находится данное сообщество людей. ... потребности включают в себя не только материальные блага, но и необходимость поддержания в обществе определенного порядка, что создает определенные условия для удовлетворения потребностей каждого члена этого общества. Именно отношение общества к человеку есть важнейший критерий при оценке степени развития. Речь идет, если можно так выразиться, об общественной этике, независимо от того, закреплена она в законах или нет. ... Например, если в обществе практикуется убийство стариков, то человек, убивающий своего отца, прекрасно понимает, что так же поступят и с ним. ... Этот перечень можно продолжать, но вывод тут таков: если уровень развития данного общества достаточно высок, оно отказывается от подобной практики в первую

очередь потому, что его члены сами не хотят оказаться в числе пострадавших. ... Только когда уровень развития и соответствующий уровень потребностей требует этого, общество перейдет к более высокой ступени отношения к человеку. Ярким примером разного отношения общества к личности может служить вопрос о правах человека. Высокоразвитые нации часто требуют от правительств стран, народы которых не достигли пока достаточно высокого уровня развития, таких же стандартов отношения к личности, какие существуют в их государствах. Эти требования кажутся более отсталым нациям надуманными, в то время как высокообразованные нации не понимают, как можно терпеть подобный деспотизм и тоталитаризм.

Итак, рост уровня развития населения есть главный критерий прогресса. Важнейшим вопросом в этой связи является механизм формирования уровня развития населения. Уровень развития формируется характером деятельности, в принципе, независимо от ее рода. Это может быть как работа, так и развлечение. Чем деятельность более сложная, чем упорнее и дольше человек себя ей посвящает, тем более высокий уровень развития он формирует. Прежде всего уровень развития каждого индивидуума формируется в детстве... Этот уровень развития можно назвать базовым...

Базовый уровень развития определяется уровнем потребления, при котором человек вырос и сформировался. Под уровнем потребления имеется в виду потребление не только материальных благ, но и то, в какой степени ребенок был окружен заботой, насколько уважались его права, насколько развивающими интеллект были его развлечения и т. д. ... Чем выше был уровень потребления в детстве у той или иной группы людей, тем высший уровень развития они сформируют. В течение первого этапа развития, то есть в доиндустриальных обществах, базовый

уровень развития нового поколения обычно соответствовал уровню развития предыдущего поколения. Если же новое поколение впоследствии увеличивало свой уровень развития выше базового, то происходил прогресс данного общества.

Что же было для этого нужно, или, иными словами, какие же факторы обуславливают рост уровня развития? Как уже отмечалось выше, уровень развития зависит от того, насколько сложной деятельностью занято население. ... Но если для ребенка игры могут формировать достаточно высокий уровень развития, то для взрослого человека такой деятельностью может быть только работа. ... Чем сложнее трудовая активность населения, тем оно умнее. Таким образом, усложнение трудовой деятельности происходит под воздействием факторов, являющихся для человеческого сознания внешними. Сперва возникает необходимость в усложнении трудовой деятельности, потом постепенно выполнение более сложных трудовых действий развивает интеллект и закаляет волю человека, после чего возрастает уровень потребностей, который реализуется в более высоком уровне потребления" [1, с.5-14].

(ПРОДОЛЖЕНИЯ СТАТТІ У НАСТУПНОМУ ВИПУСКУ)

